РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Prix 30 cent.

Изданіе редакціи „Голоса Соціальдемократа“

Необходимое дополненіе къ „Дневникамъ“ Г. В. Плеханова

Отъ редакціи

Содержаніе настоящаго листка опредѣляется характеромъ полемики т. Плеханова. Когда онъ выступилъ впервые противъ «ликвидаторства», усмотрѣннаго имъ въ статьѣ т. С., напечатанной въ «Голосѣ С.-Д.», и въ статьѣ т. Потресова, помѣщенной въ «Общ. движеніи въ Россіи», мы пытались отнестись къ этому походу серьезно и вызвать т. Плеханова на принципіальный споръ по *существу* вопроса (см. «Г. С.-Д.», № 15-16). Плехановъ *уклонился* отъ такого спора и предпочелъ въ новыхъ выпускахъ своего «Дневника» и въ «Моемъ секретѣ» забросать личными нападками, инсинуаціями и немотивированными обвиненіями въ «ликвидаторствѣ» и «ревизіонизмѣ» цѣлый рядъ товарищей. Намъ не оставалось ничего другого, какъ дать возможность всѣмъ лично задѣтымъ тов. Плехановымъ товарищамъ — возстановить истинное содержаніе разсказанныхъ т. Плехановымъ «фактовъ» и выяснить основательность взводимыхъ на нихъ обвиненій. На редакцію-же «Голоса С.-Д.» легла обязанность вскрыть настоящія причины и смыслъ затѣянной Плехановымъ войны.

Такимъ образомъ, не наша вина, что намъ приходится вести съ т. Плехановымъ полемику на такой почвѣ: другой — онъ *принять не пожелалъ*, а «какъ аукнется, такъ и откликнется».

Въ поискахъ за принципіальностью*)

(См. Г. В. Плехановъ. „Комедія ошибокъ“. Дневникъ Соц.-Дем.“ Февраль, № 10.)

Ученикъ.
„Но вѣдь понятія въ словахъ должны же быть?
Мефистофель.
„Прекрасно, но о томъ не надо такъ крушиться:
Коль скоро недочетъ въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить.
Словами диспуты ведутся,
Изъ словъ системы создаются;
Словамъ должны вы довѣрять“.

Гете.

Я на этотъ разъ крайне неохотно берусь за перо. Я знаю, что „изъ столкновенія мнѣній рождается истина“. Но не въ мнѣніяхъ тутъ дѣло... Какъ бы тамъ ни было перчатка мнѣ брошена, и я *вынужденъ* обороняться. Утѣшаюсь тѣмъ, что читатель изъ нашего поединка вынесетъ хотя одинъ полезный урокъ: онъ наглядно убѣдится, на какой почвѣ не слѣдуетъ „межеваться“ основателю соц.-демократіи съ его учениками.

Прежде, чѣмъ перейти къ главной части обвинительнаго акта, выдвинутаго противъ меня т. Плехановымъ, я устраню одно недоразумѣніе, если это только недоразумѣніе.

„Вы, т. Мартыновъ, — говоритъ Г. В. Плехановъ, — посмѣиваясь надъ большевиками по поводу ихъ недавнихъ нападокъ на меня, изображаете меня такимъ человѣкомъ, который заслужилъ бы эти нападки, если бы сдѣланное Вами изображеніе мое сходно было съ подлинникомъ“. Въ частности я, по мнѣнію т. Плеханова, злостно его изображалъ, когда въ числѣ прочихъ его „грѣховъ“ упомянулъ его алгебраическую формулу „полновластная Дума“, характеризуя ее, какъ формулу, „способную на время объединить оппозицію“ и не упоминая при этомъ другіе аргументы, выдвинутые въ ея пользу Г. В. Плехановымъ, и направленные противъ кадетовъ. Выходитъ такъ, что въ моемъ изображеніи т. Плехановъ дѣйствительно какъ бы отчасти похожъ былъ на „кадетскаго подголоска“. Если это такъ, то я несомнѣнно очень плохой историкъ и заслуживаю строгаго порицанія. Но, къ счастью для меня, т. Плехановъ *забылъ*, что послѣ ироническаго перечисленія его мнимыхъ „грѣховъ“, я въ инкриминируемой статьѣ прибавилъ: чтобъ все это превратить въ „грѣхи“, предполагаемый судья Г. Плеханова долженъ былъ бы «замолчать... что Г. Плехановъ, говоря о поддержкѣ либеральной буржуазіи, всегда и неизмѣнно исходилъ изъ того положенія, которое онъ высказалъ на послѣднемъ Лондонскомъ съѣздѣ: — Намъ говорятъ: вы дѣлаете пролетаріатъ орудіемъ буржуазіи... Пролетаріатъ можетъ топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всѣмъ *существующимъ* для своей великой цѣли. Онъ можетъ и долженъ поступать такъ, ибо онъ былъ, есть и будетъ главнымъ двигателемъ революціи въ настоящее время»*). Эту общую посылку неизмѣнно замалчивали недавніе судьи и нынѣшніе союзники Плеханова, но не замалчивалъ я. И я спрашиваю читателя, много ли нужно ума, чтобы заключить, что авторъ, *исходящій изъ этой общей посылки* своимъ частнымъ лозунгомъ „полновластная Дума“ — не могъ имѣть въ виду хотя бы временнаго растворенія соц.-дем. въ общенаціональной оппозиціи? Много ли нужно ума, чтобы заключить, что авторъ, *исходящій изъ этой общей посылки*, и въ данномъ частномъ случаѣ расчитывалъ не только „вмѣстѣ бить“ съ кадетами, но также и бить кадетовъ, вскрывая наглядно ихъ измѣны собственной программѣ?

Въ чемъ же заключается моя вина? Очевидно только въ одномъ: касаясь *попутно* извѣстныхъ умозаключеній, я не возстановлялъ въ сотый разъ всѣхъ ихъ промежуточныхъ звеньевъ, предполагая у читателя „Голоса С.-Д.“ нѣсколько большую степень догадливости, нѣсколько большую степень политической грамотности, нежели редакторъ „Дневника Соціальдемократа“, предполагаетъ, повидимому, у своей *теперешней* аудиторіи**).

Перехожу къ главнымъ пунктамъ обвиненія.

Въ инкриминируемой статьѣ — „Кто ликвидировалъ идейное наслѣдство?“*) — я писалъ: „Политическіе принципы, изъ которыхъ

---

*) Настоящая статья моя уже давно была набрана, когда я прочиталъ въ Ц. О. „второе письмо“ т. Плеханова ко мнѣ, содержащее грозный призывъ „держать отвѣтъ“. Тт. Мартовъ и Данъ предупреждали редакцію Ц. О. этого письма Г. В. Плеханова не печатать, т. к. оно основано на цѣломъ рядѣ забавныхъ недоразумѣній. Большевики настояли на помѣщеніи, чѣмъ они поставили т. Плеханова еще разъ, и надо полагать не въ послѣдній, въ смѣшное положеніе. Слагая съ себя отвѣтственность за эту „логику положенія“ тов. Плеханова, я отвѣчу ему по пунктамъ: во первыхъ, имѣю честь доложить т. Плеханову, что я не умеръ и не исчезъ „аки обръ“ изъ „Голоса“ подъ вліяніемъ его уничтожающей критики. Т. Плехановъ не замѣтилъ моихъ слѣдовъ въ № 19-20 „Голоса“, потому что у него зрѣніе притупилось: номѣщенная тамъ редакціонная статья — „Положеніе дѣлъ въ партіи (итоги пленума Ц. К.)“ написана мною. Во вторыхъ, отъ любезнаго совѣта т. Плеханова помѣстить настоящую статью на страницахъ „Голоса“ я, къ сожалѣнію, долженъ отказаться, ибо „принципіальная“ полемика со мной т. Плеханова, относится, какъ читатель убѣдится, именно къ литературѣ того сорта, которой мы при настоящихъ условіяхъ не можемъ удѣлить мѣста въ „Голосѣ“. Въ третьихъ и, наконецъ, безпокойство т. Плеханова насчетъ того, что мой отвѣтъ, напечатанный въ листовкѣ, не получитъ достаточной огласки, неосновательно: я опасаюсь, что отвѣтъ получитъ болѣе широкое распространеніе, чѣмъ самъ Г. В. Плехановъ этого желаетъ.

*) См. А. Мартыновъ. Кто ликвидировалъ идейное наслѣдство? „Голосъ Соц.-Дем.“ № 18.

**) Для характеристики того, какими рыцарскими способоми т. Плехановъ теперь воюетъ съ нами, укажу, кстати, на одно обстоятельство. Г. В. Плехановъ по поводу лозунга „Полновластная Дума“ не только упрекаетъ меня въ томъ, что я его каррикатурно изображаю; онъ кромѣ того пытается вызвать представленіе, что мы, теперь подобно „беззаглавцамъ“, повидимому „неохотно распространяемся о кадетской непослѣдовательности“. По этому поводу напомню т. Плеханову, что именно мы въ свое время, въ декабрѣ 1906 г., критиковали его, т. Плеханова, лозунгъ какъ разъ за то, что онъ недостаточно учитывалъ у ж е с о в е р ш е н н ы я кадетами измѣны, дѣлавшія невозможными даже м е ж д у п р о ч и м ъ расчитывать въ тотъ моментъ на общую съ ними избирательную платформу. Мы писали въ журналѣ „Отклики“ по адресу тов. Валентинова, который одинъ лишь (не считая д-ра Васильева) одобрилъ идею „общей избирательной платформы для всѣхъ лѣвыхъ партій“: „Въ этомъ пунктѣ, однако, тов. Валентиновъ ошибся, какъ ошибся предложившій однородный лозунгъ („полновластная Дума“) Г. В. Плехановъ. И тов. Валентиновъ и тов. Плехановъ не приняли во вниманіе того несомнѣннаго поворота в п р а в о, который подъ вліяніемъ неудачъ революціи, сдѣлали за послѣднее время руководящіе круги кадетовъ (поворотъ, за который эти господа будутъ жестоко наказаны)“. Теперь я вижу, что я дѣйствительно неправъ былъ, когда я въ статьѣ избѣгалъ напоминать о плоцности тов. Плеханова, за которыя въ свое время насъ съ нимъ б-ки демагогически ругали кадетскими подголосками. Да, т. Плехановъ, историческая правда „не пуховикъ“!

*) См. „Голосъ С.-Д.“ № 18.

исходилъ Г. Плехановъ въ 1883-84 гг. въ своихъ произведеніяхъ слѣдующіе: во 1-хъ: „рабочій классъ очень важенъ для революціи"; безъ него революція не побѣдитъ; во 2-хъ „соціалисту нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія страны"; въ 3-хъ: „для него не должно остаться потеряннымъ то обстоятельство, что соціализмъ зародился въ Россіи въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ"... Это были основныя предпосылки, которыхъ „Группа Осв. Тр." никогда не упускала изъ виду. Но изъ этихъ предпосылокъ *принципіально новое* вносила въ русскую революціонную мысль только первая". Вотъ это мѣсто Г. В. Плехановъ „использовалъ" для главной аттаки противъ меня. Для этой цѣли онъ изъ первой, приведенной выше, предпосылки — „рабочій классъ очень важенъ для революціи"; безъ него революція не побѣдитъ — вырвалъ *одну половину*, ту именно, которая взята у меня въ кавычки, *изолировалъ* ее отъ второй части, поясняющей какой специфическій смыслъ въ эту предпосылку вкладывалъ, по моему мнѣнію, Г. В. Плехановъ въ 80 гг., затѣмъ *изолировалъ* ее отъ двухъ другихъ предпосылокъ, *неразрывно* связанныхъ съ первой, которыхъ, по моимъ словамъ, „Гр. О. Т. никогда не упускала изъ виду". Такимъ способомъ т. Плехановъ попытался вызвать у довѣрчиваго читателя представленіе, что я, дескать, не читавшій, а лишь перелиставшій „Наши разногласія", по курьезному недоразумѣнію, приписалъ ему, Г. В. Плеханову, именно ту мысль, которую высказывалъ Л. Тихоміровъ и противъ которой онъ спорилъ; мало того, что я именно въ этой тихоміровской мысли усмотрѣлъ то *принципіально новое*, что внесла въ исторію Группа Осв. Тр. Эту мою „бѣду" Г. В. Плехановъ объясняетъ тѣмъ, что я, вступивъ въ „историческую школу г. Потресова" сталъ „ретроспективнымъ ликвидаторомъ" и началъ переоцѣнивать наше идейное наслѣдство. Новое положеніе меня теперь обязываетъ ликвидировать идею гегемоніи пролетаріата и заметать ея слѣды въ исторіи нашей соц.-дем., обязываетъ меня дѣлать все большія и большія уступки легализму и катиться, такимъ образомъ, къ оппортунизму. Въ заключеніе т. Плехановъ даетъ мнѣ добрый совѣтъ (онъ, видите ли, очень заботиться о спасеніи моей души) — отступить назадъ въ лоно революціоннаго марксизма, „прикрывая свое отступленіе параллогизмами и софизмами" (безъ нихъ мнѣ теперь уже, увы, никакъ не удастся спастись).

Противъ этой кучи обвиненій, какъ противъ явныхъ актовъ, совершенныхъ „въ состояніи запальчивости и раздраженія", мнѣ благоразумнѣе было бы вовсе не отвѣчать, хотя бы для того, чтобы „прикрыть наготу отца своего", чтобы не дать повода для потѣхи тѣмъ врагамъ русской соціальдемократіи, въ борьбѣ съ которыми ея отецъ сломалъ не одно копье на своемъ вѣку. Но, къ сожалѣнію, я знаю, что среди друзей соціальдемократіи, среди нашихъ товарищей, есть еще не мало людей, которые по „малолѣтству" принимаютъ всякій плодъ раздраженія „отца" за плодъ его мысли и готовы при каждомъ его сердитомъ окрикѣ ринуться въ бой съ мнимыми врагами. Я знаю еще худшее, что среди нашихъ товарищей есть такіе „зрѣлые" люди, которые умѣютъ всякій „скандалъ въ благородномъ семействѣ" использовать для того, чтобы накопить себѣ политическій капиталецъ и такимъ способомъ спасать въ нашей партіи то, что давно осуждено исторіей и обречено на смерть. Все это очень печально, но это фактъ, и потому я вынужденъ поднять брошенную мнѣ перчатку и парировать плехановскія покушенія съ негодными средствами, вооружившись терпѣніемъ и „вещественными доказательствами". Извиняюсь за это отступленіе и перехожу къ дѣлу.

Прежде всего обращу вниманіе читателя, оглушеннаго „Дневникомъ" т. Плеханова, на одну характерную мелочь. Формулируя три указанныя выше принципіальныя предпосылки, которыхъ „никогда не упускала изъ виду Гр. О. Т.", я для 2-й и 3-й предпосылки пользуюсь *только* цитатами изъ сочиненій Г. В. Плеханова, для формулировки же 1-й предпосылки я цитату — „рабочій классъ очень важенъ для революціи" — снабжаю поясненіемъ — безъ него революція не побѣдитъ. Почему же я именно въ данномъ случаѣ и *только* въ этомъ случаѣ дополнилъ цитату своимъ поясненіемъ? По весьма простой причинѣ: я зналъ, что цитату эту можно различно толковать, что въ ней извѣстная мысль выражена словами Л. Тихомірова, и что Г. Плехановъ, поскольку онъ самъ отъ своего имени и не полемически употреблялъ эти слова, вкладывалъ въ нихъ иное и *принципіально* новое содержаніе. Когда Л. Тихоміровъ говорилъ — „рабочіе нужны для революціи", онъ ставилъ удареніе не на словѣ —„рабочіе", онъ не подчеркивалъ исключительную революціонную роль пролетаріата по сравненію съ крестьянствомъ и интеллигенціей; онъ ставилъ удареніе на словахъ „для революціи", онъ подчеркивалъ вспомогательную, подсобную роль пролетаріата, и потому Г. В. Плехановъ, полемизируя съ Тихоміровымъ въ „Нашихъ разногласіяхъ", эти два слова — „для революціи" — бралъ неизмѣнно въ кавычки. Чтобъ показать, что Г. В. Плехановъ, построившій все свое обвиненіе противъ меня на этой цитатѣ, *хорошо зналъ*, что ее можно толковать въ двухъ различныхъ смыслахъ, и по бланкистски, и по соціальдемократически, я сошлюсь на „Наши разногласія", которыя онъ то самъ, надѣюсь, читалъ. „Бланкистъ", говоритъ онъ тамъ, „вполнѣ согласится съ этимъ мнѣніемъ (что основаніе одного рабочаго союза важнѣе битвы при Садовой, А. М.) Но... если же вы предложите ему выбрать между рабочимъ союзомъ и „кающимся дворяниномъ" въ лицѣ какого нибудь начальника дивизіи, то онъ едва ли задумается предпочесть второго первому... Съ точки зрѣнія соціальдемократа истинно революціонное движеніе настоящаго времени возможно только среди рабочаго класса." Нѣсколько дальше Г. В. Плехановъ говоритъ: „Одинъ (соціальдемократъ А. М.) обращается главнымъ образомъ къ рабочей средѣ, другіе (бланкисты) имѣютъ съ ней дѣло только между прочимъ и когда этому не мѣшаютъ многочисленныя, сложныя... нужды начатаго внѣ ея заговора. Это различіе огромной практической важности." Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ Г. Плехановъ говоритъ по поводу Тихомірова: „По его мнѣнію, численность рабочаго класса нашихъ промышленныхъ центровъ слишкомъ незначительна для того, чтобы на этомъ слоѣ нашего трудящагося населенія могли основываться какія либо соціально-революціонныя надежды". Ясно, такимъ обрбзомъ, что въ устахъ бланкиста Тихомірова приведенная мной цитата означала — пролетаріатъ есть возможное вспогатсльное орудіе для революціи; въ устахъ же соціальдемократа Плеханова она означала — не крестьянское и не интеллигентское, а рабочее движеніе есть *залогъ* революціоннаго развитія и революціонныхъ побѣдъ. Поэтому-то я, характеризуя взгляды Г. В. Плеханова, къ указанной цитатѣ присовокупилъ слова — безъ него (рабочаго класса) революція не побѣдитъ. Въ другихъ же мѣстахъ статьи я *ту же мысль* излагаю подробнѣе и яснѣе. Въ одномъ мѣстѣ, напр., я пишу тамъ: „Г. В. Плехановъ... всегда говорилъ, начиная съ 1883 г., ...что пока не выступитъ на сцену революціонный пролетаріатъ, оппозиціонные и революціонные элементы России останутся политически безсильными, что повалить царизмъ можетъ только возстаніе рабочихъ." Въ другомъ мѣстѣ статьи я *ту же мысль* такъ выражаю: „И въ 80-хъ гг. Г. Плехановъ разсчитывалъ на то, что пролетаріатъ явится у насъ главнымъ рычагомъ революціи, что онъ своимъ движеніемъ разбудитъ всѣ дремлющія силы силы страны, ...что революціонное движеніе пролетаріата... „придастъ храбрость" такъ называемому „обществу", что оно послужитъ „связующимъ звеномъ" межъу революціонной интеллигенціей и крестьянами и будетъ содѣйствовать „вовлеченію деревни въ русло всемірно-историческаго движенія" и т. д.

Я предвижу возраженіе со стороны упрямаго читателя, оглушеннаго шумихой фразъ „Дневника" т. Плеханова: „Это все вы говорили въ другой связи; это все не относится къ Вашей принципіальной предпосылкѣ; тамъ то Вы разсуждали „по тихоміровски"; Вы теперь „отступаете, прикрывая свое отступленіе софизмами и параллогизмами". Т. Плехановъ, вѣдь, предсказалъ, что Вы будете изворачиваться". Чтобъ показать этому умному читателю, какъ правильно т. Плехановъ предсказываетъ, когда „положеніе обязываетъ" его стать пророкомъ, я сообщу ему слѣдующій фактъ. *Одновременно* съ тѣмъ, какъ я писалъ свою статью для „Голоса", я приготовилъ къ печати другую статью — „Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма", которая вышла изъ печати въ Россіи *до того*, какъ Г. В. Плехановъ издалъ свой „Дневникъ". Вотъ въ этой самой статьѣ, гдѣ я не имѣлъ слѣдовательно, еще повода „отступать", я, между прочимъ, трактую ту же тмеу, что и въ „Голосѣ"; тамъ же, между прочимъ, я, формулируя въ другихъ выраженіяхъ тѣ же основныя предпосылки, изъ которыхъ исходила Гр. Осв. Туда, говорю: „Онъ (т. е. Г. В. Плехановъ) въ этихъ произведеніяхъ доказывалъ, что классовое движеніе рабочихъ самымъ фактомъ своего возникновенія разбудитъ всѣ дремлющія силы населенія, что одни рабочіе въ открытомъ бою способны будутъ нанести рѣшительный ударъ старому режиму. Мало того, ссылаясь и т. д... онъ утверждалъ, что у насъ не только рабочіе нужны будутъ для революціи, но и т. д..."*) Эти слова уже не оставляютъ никакого сомнѣнія, насчетъ того, что именно я понимаю подъ выраженіемъ — рабочіе нужны будутъ для революціи. Моя фраза — «рабочій классъ очень важенъ для революціи», безъ него революція не побѣдитъ — *тождественна по смыслу* съ извѣстной фразой, сказанной Плехановымъ на парижскомъ конгрессѣ — «революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ. Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ». Теперь я спрашиваю читателя: похожа ли моя мысль на тихоміровскую, правильно ли „гадалъ" т. Плехановъ и нужно ли было ему вообще „гадать", когда смыслъ моей фразы и такъ былъ совершенно очевиденъ, пока онъ не оторвалъ ея конца и не вырвалъ ее изъ контекста?

Чтобъ покончить съ главнымъ пунктомъ обвиненія, мнѣ остается еще сказать два слова, почему я призналъ „принципіально новымъ" именно первую отмѣченную предпосылку, а не вторую, и это опять таки мнѣ нужно объяснять лишь оглушенному читателю „Дневника", а не грамотнымъ марксистамъ и въ томъ числѣ автору „Нашихъ разногласій", который и тутъ только „изображаетъ" изумленіе. Прежде всего я еще разъ напоминаю, что я вторую предпосылку *не противопоставлялъ* первой, а считалъ затрагиваемый въ ней вопросъ тоже основнымъ вопросомъ русской соц.-дем., вслѣдствіе чего я и отмѣтилъ, что *всѣ* указанныя предпосылки были „основными предпосылками, которыхъ Г. О. Т. никогда не упускала изъ виду". Принципіально же новой я считалъ не вторую, а первую предпосылку вотъ почему. Дѣло въ томъ, и т. Плехановъ это конечно еще хорошо помнитъ, что вторая предпосылка была аксіомой для *революціоннаго народничества въ цѣломъ*. Девизъ революціоннаго народничества былъ — „все для народа", а это равносильно второй предпосылкѣ — „соціалисту нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія страны". „Принципіально ново" въ исторіи русской *революціонной мысли* было то, и авторъ „Нашихъ разногласій" опять таки этого навѣрно не забылъ, что „народъ", „нужный" для революціи, какъ ближайшей, такъ и будущей — соціалистической, есть прежде всего пролетаріатъ, а не крестьянство, какъ думали народники, что именно онъ, пролетаріатъ, а не крестьянство и не „интеллигенція", является залогомъ всего будущаго революціоннаго развитія Россіи. Это, было

*) См. А. Мартыновъ. Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма. „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка". Томъ II, часть вторая, стр. 299, 300.

„принципіально новое“; ради этого нужно было воевать и съ Тихоміровымъ, и съ „Нар. Волей“, ибо она лишь *вопреки* своимъ теоретическимъ принципамъ стала на практикѣ интересоваться городомъ и городскимъ рабочимъ, ибо, какъ свидѣтельствовалъ Г. Плехановъ въ „Нашихъ разногласіяхъ“, въ письмѣ къ П. Лаврову, программа «Нар. Воли» „была поставленнымъ на голову бакунизмомъ съ его славянофильскимъ противопоставленіемъ Россіи Западу, съ его идеализаціей первобытныхъ формъ народной жизни, съ его вѣрой въ соціальное чудотворство революціонныхъ организацій нашей интеллигенціи“. И именно потому, что это было „принципіально новое“, этому то Г. Плехановъ и посвятилъ девять десятыхъ страницъ и въ „Нашихъ разногласіяхъ“, и въ первой своей соц.-дем. брошюрѣ — „Соціализмъ и политическая борьба“, именно этому, а не тому, что революція должна прежде всего послужить интересамъ трудящагося населенія. Противъ послѣдняго и народовльцы *принципіально*, конечно, не спорили; послѣднему лишь *практически* противорѣчила ихъ тактика.

Въ тщетныхъ поискахъ за принципіальнымъ оправданіемъ войны со мной Плехановъ открылъ счастливую, какъ ему показалось, находку — одну фразу. Вырвавши ее изъ контекста и извративши ея смыслъ, онъ на ней построилъ цѣлую вавилонскую башню, памятуя урокъ Мефистофеля: «Словами диспуты ведутся, изъ словъ системы создаются». Неудивительно, что эта башня разсыпалась, какъ карточная постройка, при первомъ прикосновеніи критики. Для чего же онъ занимался этой непроизводительной работой? Чтобъ, скомпроментировавши меня предварительно въ качествѣ, какъ онъ выражается, „историка потресовской школы“, облегчить себѣ задачу опроверженія того, что я, между прочимъ, доказывалъ на страницахъ „Голоса“, а именно того, что Г. В. Плехановъ въ 80 гг. *еще* не говорилъ о гегемоніи пролетаріата наканунѣ и во время русской революціи. Въ этомъ онъ усмотрѣлъ какъ бы личную обиду, какъ бы покушеніе на его марксистскіе лавры. О томъ, что «обиды» тутъ никакой нѣтъ и быть не могло, рѣчь будетъ впереди. Пока же скажу, что *этого то моего утвержденія онъ не опровергъ, ибо оно не опровержимо*. За то онъ, обсосавши со всѣхъ сторонъ свою «тихомировскую» находку, чтобъ сорвать сердце на мнимомъ обидчикѣ, уже въ совершенномъ опьяненіи торжествомъ своей «діалектики» сталъ упрекать меня во всевозможныхъ великихъ и маленькихъ преступленіяхъ.

Оказывается, что я въ своей статьѣ обнаружилъ „недостаточное знаніе французскаго языка“, что я обнаружилъ тамъ же невѣжество относительно соціалистическаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ на Западѣ, что я тамъ же обнаружилъ „потребность отбояриться отъ идеи гегемоніи пролетаріата“, что я „сталъ ликвидировать эту идею въ изданіяхъ Гр. Осв. Тр.“, что я, наконецъ, поставилъ себя въ положеніе, „логика котораго есть логика легализма“, которая, въ свою очередь, „ведетъ къ отрицанію всѣхъ революціонныхъ идей“.

Все это, сплошь, начиная отъ мелкихъ и мелочныхъ уколовъ вплоть до грозныхъ обвиненій, какъ я сейчасъ докажу, есть, во-первыхъ, завѣдомый, *для т. Плеханова завѣдомый*, вздоръ; все это, во-вторыхъ, онъ придумалъ для того, чтобъ *отомстить* мнѣ за якобы нелестную для Плеханова *историческую правду*, которую онъ не въ состояніи *опровергнуть*, что свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко принципіальна его теперешняя война противъ своихъ недавнихъ товарищей по фракціи.

Завѣдомый вздоръ, что я, по незнанію французскаго языка, неправильно истолковалъ его рѣчь на Парижскомъ конгрессѣ. Я въ статьѣ ссылался не на французскій текстъ, а на русскій переводъ его рѣчи, достаточно авторитетный, ибо онъ былъ помѣщенъ въ журналѣ „Соціальдемократъ“, издававшемся подъ редакціей самого Г. В. Плеханова, и Г. В. Плехановъ *это знаетъ*, ибо я въ статьѣ сдѣлалъ соотвѣтственную ссылку на источникъ.

Завѣдомый вздоръ, что я обнаружилъ въ статьѣ незнаніе исторіи движенія 30-хъ и 40-хъ гг. на Западѣ. Я говорилъ тамъ: „соціалистическая интеллигенція съ помощью рабочихъ брала приступомъ твердыню“ стараго режима и на Западѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Плехановъ по этому поводу замѣчаетъ: „*Мнѣ не извѣстно, въ какой именно странѣ соціалистическая интеллигенція 30-хъ гг. брала приступомъ твердыню* (курсивъ мой. М.) *стараго режима*. Мнѣ всегда казалось, что соціалисты того времени чуждались политики, благодаря своей утопической точкѣ зрѣнія... Я буду очень благодаренъ Вамъ, если Вы просвѣтите меня, доказавъ, что я ошибался“. Я охстно „просвѣщу“ т. Плеханова: въ 1837 г. Бланки и Барбесъ основали тайное „Общество временъ года“, которому они, по словамъ, напримѣръ, соціалистическаго историка Heritier, „придали опредѣленно (entschieden) соціалистическую окраску“. Вотъ это то соціалистическое тайное общество, съ Бланки во главѣ, 12 мая 1839 г., путемъ заговора овладѣло въ Парижѣ ратушей и провозгласило „временное правительство“. Правда, въ тотъ же день это движеніе было раздавлено: „твердыня“, такимъ ооразомъ, не была „взята“; но это не опровергаетъ факта, что ее „брали“. Что касается 40-хъ гг., то самъ т. Плехановъ не отрицаетъ, что въ то время меньшинство соціалистовъ (бланкисты) занималось политикой, опираясь на рабочихъ. Но я не допускаю, чтобы Г. В. Плехановъ не зналъ также и про заговоръ соціалистовъ 1839 г., тѣмъ болѣе, что *онъ самъ цитировалъ* въ „Нашихъ разногласіяхъ“ одно мѣсто изъ статьи Энгельса, гдѣ мелькомъ упоминается про этотъ заговоръ*).

*) Я знаю, что Г. В. Плехановъ, выбитый изъ этой позиціи, со свойственной ему „діалектической“ ловкостью припишетъ мнѣ новую „обиду“. Вы, скажетъ онъ, значитъ осмѣливаетесь утверждать, что я въ концѣ 80-хъ гг. расчитывалъ на такую же несамостоятельную роль пролетаріата въ будущей русской революціи, какую онъ игралъ въ революціяхъ 40 годовъ на Западѣ, Вы, значитъ, вычитали въ моихъ тогдашнимъ произведеніяхъ желанія повторить исторію бланкистовъ?! Коннчно, нѣтъ, т. Плехановъ. Вы, правда, писали въ 1890 году во Внутр. обозр. „Соціальдемократа“: „Рабочій же классъ

Завѣдомый вздоръ, что я обнаружилъ въ своей статьѣ потребность „отбояриваться отъ идеи гегемоніи пролетаріата“. Г. В. Плехановъ не могъ не *замѣтить*, что я *большую половину* этой статьи посвятилъ описанію того, какъ гегемонія пролетаріата въ рединѣ 90-хъ годовъ стала *доминирующей* идеей въ произведеніяхъ члена Гр. Осв. Труда — П. Б. Аксельрода. Если же т. Плехановъ думаетъ, что я эту идею считалъ или считаю безпочвенной или ошибочной, къ чему я въ статьѣ нвкакого повода не далъ, то онъ жестоко ошибается, и вотъ доказательство: Въ цитированной мной выше статьѣ своей „Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма“, я останавливался подробно не только на исторіи возникновенія этой идеи, но и на томъ, какъ она въ послѣдствіи, въ началѣ 90-хъ гг., *правильно* была воспринята и *цѣлесообразно* примѣнена всей редакціей старой „Искры“ и „Зари“.

Вздорными, наконецъ, *уже оказались* пророчества т. Плеханова насчетъ роковой „логики“ моего положенія, ибо, какъ бы въ насмѣшку надъ предсказаніями т. Плеханова, я огромную часть упомянутой только что статьи въ пятитомномъ изданіи посвящаю критикѣ отклоненія легальнаго марксизма 90-хъ годовъ отъ идей Гр. Осв. Труда, критикѣ поворота легальныхъ марксистовъ „отъ матеріализма къ идеализму“ и защитѣ славной борьбы марксистской ортодоксіи съ бернштейніанствомъ.

Всѣ эти облыжныя обвиненія, повторяю, были придуманы т. Плехановымъ исключительно для того, чтобы *уклониться* отъ прямого и яснаго отвѣта на вопросъ — когда и гдѣ онъ говоритъ уже въ 80-хъ гг. о гегемоніи нролетаріата въ русской революцій? Я писалъ въ своей статьѣ, что Г. В. Плехановъ на Парижскомь конгрессѣ 1889 году „совершенно не касался вопроса о гегемоніи пролетаріата“, то есть о сознательномъ и планомѣрномъ, прямомъ или косвенномъ, *руководствѣ пролетарской партіи политеческими союзниками* пролетаріата. Что же на это возражаетъ Г. В. Плехановъ? Что его извѣстная фраза — „Революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только, какъ революціопное движеніе рабочихъ“ — не обозначаетъ, что пролетаріатъ „можетъ обойтись безъ союзниковъ“. Конечно, не обозначаетъ, и я этого не говорилъ; но эта фраза также не обозначаетъ, что рабочій классъ будетъ руководить этими союзниками, что онъ будетъ ихъ гегемономъ. Объ этомъ здѣсь вообще ни слова не сказано, а это только я и утверждалъ. Мало того, въ своей рѣчи на Парижскомъ конгрессѣ, Г. В. Плехановъ даже не говорилъ точно о движеніи рабочаго *класса* или о рабочей *партіи*, а только о „движеніи *рабочихъ*“, о томъ, что революціонная интеллигенція, распространяя взгляды научнаго соціализма въ рабочей средѣ, „съ помощью рабочихъ“ возьметъ приступомъ твердыню и пр.

Но намъ нѣтъ надобности заниматься схоластическими словотолкованіями для рѣшенія спорнаго вопроса. Я уже указывалъ въ своей статьѣ, что т. Плехановъ въ Vodemecum'ѣ для поясненія своихъ словъ на парижскомъ конгрессѣ отсылаетъ читателя къ его первымъ произведеніямъ 80 гг. То же онъ дѣлаетъ теперь въ „Дневникѣ“: „Излишнимъ было бы доказывать“, говоритъ онъ теперь, „что идея, о которой идетъ рѣчь «возвѣщена» была впервые вовсе не на Парижскомъ конгрессѣ. Читатель самъ можетъ убѣдиться въ этомъ, перечитавъ сдѣланную выше выписку изъ „Нашихъ разногласій“. Совсѣмъ не „излишне было бы доказывать“, т. Плехановъ! Въ приведенной Вами выпискѣ говорится: „Соціальдемократъ хочетъ, чтобы рабочій *самъ дѣлалъ* свою революцію; бланкисты требуютъ, чтобъ рабочій *поддержалъ* революцію, начатую и руководимую за него и отъ его имени другими“.

Что Вы разсчитывали въ 80 гг. на то, чтобы рабочій дѣлалъ революцію самъ, подъ собственными соціалистическими знаменемъ, а не подъ знаменемъ чужихъ, буржуазныхъ партій, въ этомъ смѣшо было бы сомнѣваться; иначе Вы не были бы еще тогда соціальдемократомъ, и потому я въ своей статьѣ оговаривался, что Вы, несмотря на подчеркиваемое вами въ 80 гг. сходство между будущей русской и прошлыми европейскими революціями, тѣмъ не менѣе, конечно, расчитывали „на относительно большую степень самостоятельности русскаго рабочаго движенія“, ибо это, говорилъ я, «была основная предпосылка для Гр. Осв. Тр.»

Но вопросъ не въ томъ, расчитывали ли Вы на гегемонію соціализма надъ русскимъ рабочимъ движеніемъ — это, конечно, безспорно; вопросъ въ томъ, расчитывали ли Вы уже въ 80 гг. на гегемонію соціалистической рабочей партіи надъ союзниками пролетаріата наканунѣ и во время революціи. Я доказывалъ въ своей статьѣ, что Вы на это *не могли* расчитывать, ибо вы въ брошюрѣ „Соціализмъ и политическая борьба“ изображали перспективу, по которой у насъ до революціи успѣютъ сложиться только *элементы* для будущей рабочей партіи, что сама рабочая партія сможетъ образоваться только „въ первый періодъ конституціонной жизни Россіи“. Ясно, что при такихъ условіяхъ, при отсутствіи настоящей рабочей партіи, мечтать о гегемоніи пролетаріата могли бы только люди непонимающіе значенія партіи т. е. „ликвидаторы“,—а Вы, кажется, не изъ ихъ числа. *Это мое указаніе Вы благоразумно обошли молчаніемъ*. Теперь, въ доказательство того, что я не только „перелистывалъ“, но внимательно изучалъ Ваши произведенія, я вамъ напомню одно весьма интересное мѣсто изъ „Нашихъ разногласій“, *которое Вы, вѣроятно, тоже предпочтете обойти молчаніемъ*. Вотъ это мѣсто: „Само собою понятно, что тайныя рабочія общества не составляютъ еще рабочей партіи. Въ этомъ смыслѣ совершенно правы тѣ люди, которые говорятъ,

прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, чѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ“. Но я, цитируя это Ваше неосторожное выраженіе въ моей „преступной“ статьѣ, защищая Васъ передъ читателемъ, говорилъ: „Это, конечно, не исключаетъ того, что Г. Плехановъ уже въ то время разсчитывалъ на относительно большую степень самостоятельности русскаго рабочаго движенія по сравненію съ западнымъ въ 40 гг. Это, какъ мы видѣли, была основная предпосылка для Гр. Осв. Тр.“.

что *наша программа расчитана болѣе на будущее, чѣмъ на настоящее* (курсивъ мой А. М.). Но что же изъ этого слѣдуетъ? ...Когда являлось мужество у революціонной буржуазіи 1830 и 1840 годовъ? Когда рабочій классъ уже одерживалъ верхъ на баррикадахъ. Наше „общество“ не можетъ еще расчитывать на такую поддержку рабочихъ... Отсюда его робость... Но... обезпечьте нашему „обществу“ поддержку однихъ только рабочихъ предмѣстій — и вы увидите, что оно знаетъ, чего хочетъ, и умѣетъ говорить съ властью языкомъ, достойнымъ гражданина... Будемъ надѣяться, что путанница... уступитъ, наконецъ, мѣсто теоріямъ научнаго соціализма... А разъ придетъ такое счастливое время, то и рабочіе кружки не замедлятъ стать на правильную точку зрѣнія. *Борьба съ абсолютизмомъ войдетъ тогда въ новый и послѣдній фазисъ:* (Слушайте! А. М.) *поддержанныя рабочей массой, политическія требованія передовой части нашего „общества“ получатъ, наконецъ, столь давно ожидаемое удовлетвореніе* (курсивъ мой А. М.)“. Я спрашиваю читателя: еслибъ я сталъ *въ такомъ видѣ* изображать гегемонію пролетаріата наканунѣ и во время революціи, то не вправѣ ли были бы меня упрекнуть, что я лишаю эту идею всякаго серьезнаго содержанія, что я, такимъ образомъ, обнаруживаю „потребность отбояриться отъ идеи гегемоніи пролетаріата“? Въ защиту свою могу сказать только одно: не я, а тов. Плехановъ такъ толкуетъ теперь слова — гегемонія пролетаріата, — поскольку онъ открываетъ эту идею уже въ „Нашихъ разногласіяхъ“.

Но у меня есть основаніе думать, что не всегда Г. В. Плехановъ дѣлалъ изъ этихъ словъ безсодержательную революціонную фразу; до его недавняго „просвѣтлѣнія“ мы съ нимъ не расходились въ этомъ вопросѣ, и вотъ доказательство: я еще въ 1 № „Голоса Соц.-Дем.“, въ статьѣ „Движущія силы русской революціи“, написанной по случаю 25-тилѣтія Гр. Осв. Тр., совершенно опредѣленно говорилъ, что идея гегемоніи пролетаріата возникла у Гр. Освобожденія Труда только въ 90 гг., послѣ голода 91 г. когда окончательно выяснилось полное банкротство стараго революціоннаго поколѣнія и наступленіе совершенно новой эры. Я не указывалъ тамъ, правда, *кто именно* изъ членовъ Группы Осв. Тр. развилъ ее въ конкретно-историческихъ терминахъ. Но самый фактъ я совершенно также излагалъ. Тогда Г. В. Плехановъ, нашъ товарищъ по редакціи, ни однимъ словомъ не оспаривалъ этого; тогда онъ не удивлялся, почему я не открылъ эту идею уже въ его первыхъ произведеніяхъ 80 гг. И онъ былъ правъ: нужно было быть Маниловымъ, чтобы серьезно говорить въ 80 гг. о гегемоніи пролетаріата *наканунѣ* революціи, когда не было еще никакихъ признаковъ политическаго пробужденія рабочихъ, когда, съ другой стороны, казалось, что нити стараго революціоннаго движенія еще не оборвались окончательно, и что революція наступитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Какъ бы тамъ ни было, тогда Г. В. Плехановъ не оспаривалъ моего утвержденія.

Напротивъ того; онъ, очевидно, настолько доволенъ былъ моей статьей, что предлагалъ, чтобы именно я писалъ объ исторіи марксизма въ пятитомномъ изданіи.

Что же случилось съ тѣхъ поръ? А случилось вотъ что. Когда извѣстно стало, что Г. В. Плехановъ разошелся съ редакціей «Голоса» (изъ „наклейки“ на оглавленіи № „Голоса С.-Д.“) въ „Пролетаріи“ появился фельетонъ, спекулирующій на соглашеніе съ т. Плехановымъ. Въ этомъ фельетонѣ, написанномъ въ возмутительномъ тонѣ льстиваго царедворца, Г. В. Плехановъ объявлялся родоначальникомъ идеи гегемоніи пролетаріата въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали б-ки, въ противовѣсъ П. Б. Аксельроду, который изображался тамъ же родоначальникомъ русскаго оппортунизма. Г. В. Плехановъ пишетъ теперь про П. Б. Аксельрода: „Такъ какъ я считалъ, что П. Б. Аксельродъ обладаетъ рѣдкимъ политическимъ тактомъ, то я всегда смотрѣлъ на его согласіе со мной, какъ на одно изъ самыхъ важныхъ для меня ручательствъ за вѣрность моихъ тактическихъ соображеній. Такъ *было*.“ Да, такъ было, и потому естественно было ожидать, что Г. В. Плехановъ, это былъ его долгъ, выступитъ немедленно въ печати, что онъ съ презрѣніемъ отвергнетъ лесть царедворца, что онъ опровергнетъ возмутительную клевету, распространяемую про товарища, съ которымъ онъ 25 лѣтъ боролся подъ знаменемъ революціоннаго марксизма. Но Г. В. Плехановъ *предпочелъ молчать*. Тогда попытался возстановить историческую правду я, доказывая, — ибо это истина, — что идея гегемоніи пролетаріата сложилась только въ срединѣ 90-хъ и что именно П. Б. Аксельродъ, отъ котораго теперь отрекаются б-ки, развилъ ее впервые въ конкретно историческихъ терминахъ.

Повторяю, я здѣсь утверждалъ тоже самое, что въ статьѣ, помѣщенной въ 1 № „Голоса С.-Д.“, одобренной Г. В. Плехановымъ; *я лишь раскрылъ скобки и въ соотвѣтственномъ мѣстѣ вмѣсто „Гр. Осв. Тр.“ написалъ — П. Б. Аксельродъ, т. е. поставилъ точку надъ і согласно съ истиной.* И тамъ, въ первой статьѣ, одобренной т. Плехановымъ, я писалъ: „Плехановъ въ своихъ первыхъ марксистскихъ произведеніяхъ... отвѣтилъ на вопросъ еще осторожно; необходимо уже теперь, говорилъ онъ, создавать элементы рабочей партіи, чтобы измѣнить соотношеніе силъ до и во время этого политическаго перелома въ пользу рабочаго класса... Когда же впослѣдствіи, во время голода 91-го года... попытки образовать Лигу... разбились... тогда передъ группой конкретно предстала вѣроятная перспектива — гегемонія пролетаріата и т. д.“. Въ той статьѣ, гдѣ я не имѣлъ никакого повода конкретизировать, кто изъ членовъ „Гр. Осв. Тр.“ первый развилъ ту или иную идею, я говорилъ о гегемоніи пролетаріата, какъ о перспективѣ, которая рисовалась въ *90-хъ* гг. Группѣ Осв. Тр. вообще, т. е. Плеханову и Аксельроду; когда же я конкретно описывалъ содержаніе этой идеи, я *и тамъ*, по необходимости, цитировалъ именно сочиненія П. Б. Аксельрода 90-хъ гг. Въ инкриминируемой же статьѣ я, въ поученіе непомнящимъ родства писателямъ изъ „Пролетарія“, разсказалъ имъ, что именно Аксельродъ и былъ тотъ, который впервые развилъ эту идею въ примѣненіи къ русскимъ историческимъ условіямъ. Но и тутъ я счелъ своимъ долгомъ тщательно отмѣчать всѣ тѣ предпосылки этой идеи, которыя П. Б. Аксельродъ уже нашелъ готовыми въ прежнихъ произведеніяхъ Г. В. Плеханова. Мало того, я въ этой же статьѣ подчеркнулъ, опять таки въ назиданіе „Пролетарію“, что я весьма далекъ отъ мысли, въ какомъ бы то ни было отношеніи *противопоставлять* П. Аксельрода Г. В. Плеханову. Я говорилъ тамъ: „Если эта задача болѣе законченнаго обоснованія нашей тактики выпала на долю П. Аксельрода, то объясняется это не разногласіями и не оттѣнкомъ во взглядахъ, а гораздо проще: Г. Плехановъ велъ идейную борьбу въ плоскости политической, философской, соціологической, экономической и литературной. а въ указанное время, въ срединѣ 90-хъ гг. передъ ними открылась новая арена для борьбы въ легальной печати (онъ тогда издалъ „Волгина“ и „Бельтова“). П. Аксельродъ же сосредоточилъ свое вниманіе спеціально на вопросахъ тактики“.

Вотъ мотивы, которые побудили меня написать инкриминируемую статью; а о томъ, каковы «принципіальные» мотивы, побудившія т. Плеханова выступить противъ меня войной, пусть судитъ читатель.

А. Мартыновъ.

Маленькія причины великой обиды

„Я принужденъ отвѣчать, хотя любя принципіальную полемику, я терпѣть не могу полемики, переходящей на личную почву“.
Плехановъ. „Мой секретъ“.

„Кто Васъ, Китъ Китычъ, обидитъ? Вы сами всякаго обидите“.
Островскій.

Оспаривая мое утвержденіе о томъ, что для меня являлась „секретомъ“ причина его недовольства извѣстной статьей тов. Потресова, Г. В. Плехановъ въ особомъ приложеніи къ № 10 „Дневника“ старается доказать, что эта причина для меня была достаточно ясна. Въ доказательство цитируются и комментируются два мои письма къ Плеханову, касающіяся статьи т. Потресова.

Плехановъ сдѣлалъ бы лучше, если бы цитировалъ не мои письма къ нему, а свои — ко мнѣ. Читатель тогда зналъ бы, какими *аргументами* Плехановъ доказывалъ несостоятельность статьи Потресова. Читатель увидалъ бы, вмѣстѣ со мной, что никакихъ аргументовъ Плехановъ не приводилъ, ограничиваясь краткими резолюціями: не-марксизмъ, оппортунизмъ, точка зрѣнія „взбунтовавшагося легальнаго марксиста“.

Однако, и изъ моихъ отвѣтовъ Плеханову, нынѣ имъ печатаемыхъ, достаточно ясно, что таково было содержаніе его писемъ.

Письма эти относятся къ редактированію II-ой части статьи Потресова, описывающей періодъ 90-хъ годовъ. Въ первомъ письмѣ я пишу Плеханову: „далеко не во всемъ согласенъ съ Вашей оцѣнкой“.*) Ага! восклицаетъ Плехановъ, „итакъ, была оцѣнка, не оставшаяся секретомъ для Л. Мартова?“ Я выше указалъ, какого характера была „оцѣнка“, даваемая Плехановымъ. Послѣдній утверждалъ, что Потресовъ сталъ на точку зрѣнія былого „легальнаго марксизма“. Въ подтвержденіе этого обвиненія — какъ онъ дѣлаетъ это теперь — Плехановъ приводитъ лишь то соображеніе, что „наша революціонная литература привлекла къ себѣ его (Потресова) вниманіе лишь постольку, поскольку въ ней принялъ участіе... г. Струве“.**) Напомню, что рѣчь идетъ объ эпохѣ 2-ой половины 90-хъ гг., когда почти всѣ *рѣшающія* литературныя произведенія *революціоннаго* марксизма (книги Бельтова и Волгина, статья Тулина, публицистическія статьи, подписанныя Н. Каменскимъ и т. д.) выходили *легально*. Объ этихъ произведеніяхъ Потресовъ писалъ достаточно обстоятельно, какъ въ слѣдующей главѣ онъ столь же обстоятельно писалъ о *нелегальныхъ* „Искрѣ“ и „Зарѣ“, въ которыхъ въ слѣдующую эпоху сконцентрировалась дѣятельность представителей революціоннаго марксизма. Поэтому, упрекъ Плеханова, что Потресовъ тенденціозно игнорируетъ существованіе нелегальной с.-д. литературы въ 90-хъ гг., являлся въ моихъ глазахъ *придиркой*.

Плехановъ продолжаетъ. „Можетъ быть, эта оцѣнка не затрагивала „мыслей“, выраженныхъ въ статьѣ г. Потресова? Посмотримъ!“

Смотримъ... въ мое письмо и изъ него ясно вытекаетъ, что я никакого указанія на вредныя *мысли* Потресова въ „оцѣнкѣ“ Плеханова не нашелъ. Я цитирую его выраженіе, что Потресовъ — „взбунтовавшійся легальный марксистъ“, и отвѣчаю Плеханову, что, если этотъ эпитетъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то лишь тотъ, что Потресовъ черезчуръ увлекается картиной той эпохи развитія демократической мысли въ Россіи, когда въ единомъ до того „легальномъ марксизмѣ“ произошелъ „бунтъ“ его революціонныхъ элементовъ противъ оппортунистическихъ „струвистскихъ“. Потресовъ былъ въ числѣ „взбунтовавшихся“, и я находилъ, что онъ непропорціонально подробно остановился на перипетіяхъ этой борьбы въ ущербъ, быть можетъ, другимъ моментамъ исторіи умственныхъ движеній предреволюціонной эпохи. Поэтому, я пишу Плеханову о „манерѣ спеціалиста“, сравниваю въ этомъ отношеніи Потресова съ Фр. Мерингомъ и прихожу къ тому выводу, что дѣло легко поправить, предложивъ Потресову расширить другіе отдѣлы его очерка.

*) „Мой секретъ“, стр. 4.
**) Ibid, стр. 6

Плехановъ, передавъ мое письмо, умозаключаетъ: „Выходитъ, что я указывалъ Л. Мартову на „основной дефектъ" статьи г. Потресова... Ясно, ...что я не скрывалъ отъ него своего мнѣнія о недостаткахъ статьи. Словомъ, я отнюдь не конспирировалъ."

Слишкомъ скорое заключеніе. Оцѣнить статью словомъ „никуда не годна", указать ея „основной дефектъ" въ цитированіи при изложеніи даннаго періода преимущественно легальной литературы*) — вовсе не значитъ указать отступленіе отъ марксистскихъ принциповъ, которое бы объясняло причину объявленія статьи вредной. А я именно этого отъ Плеханова добивался и именно по этому пункту Плехановъ „конспирировалъ".

Что это именно такъ — Плехановъ подтверждаетъ длинными и безпомощными разсужденіями на стр. 12—13 брошюры „Мой секретъ", гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ:

„Но замѣтьте, читатель: меня упрекаютъ въ „конспираціи" на счетъ тѣхъ *мыслей* г. Потресова, которыя побудили меня къ разрыву съ нимъ. Эта форма упрека придаетъ ему тотъ смыслъ, что г. Потресовъ не отстаивалъ ни одного изъ положеній, болѣе или менѣе общепризнанныхъ между гг. критиками Маркса и идущихъ въ разрѣзъ съ нашей „ортодоксіей". *Такихъ положеній онъ, дѣйствительно, не отстаивалъ*"**)

Человѣкъ вредныхъ мыслей въ области принциповъ марксизма „не отстаивалъ". Казалось бы, незачѣмъ „разрывать съ нимъ".

„Но одно это обстоятельство отнюдь не могло примирить меня съ нимъ."

Почему?

„Во-первыхъ, г. Потресовъ всегда мало интересовался теоріей: пусть мнѣ укажутъ, гдѣ защищалъ онъ ее въ то время, когда шелъ вмѣстѣ съ нами, ортодоксами?***) У людей такого склада ума, какъ онъ, перевороты, ими переживаемые, выражаются не въ усвоеніи или отрицаніи тѣхъ или иныхъ *теоретическихъ положеній*, а въ склонности къ той или иной тактикѣ".

Значитъ, Плехановъ нашелъ въ статьѣ „Потресова склонность къ той или иной тактикѣ", болѣе или менѣе оппортунистической? Не спѣшите съ заключеніемъ, читатель. Заговоривъ о тактикѣ, Г. В. Плехановъ продолжаетъ: „Другими словами: имѣя дѣло съ такими людьми, приходится считаться не съ ихъ мыслями, — которыхъ у нихъ нѣтъ — а только съ ихъ полу-мыслями, или, вѣрнѣе, съ ихъ настроеніями".

Проблема: отыскать ересь у Потресова.

Рѣшеніе: еретическихъ мыслей въ области теоріи Потресовъ не отстаиваетъ. Но у такихъ людей ересь прячется въ области „склонности къ той или иной тактикѣ". Однако, еретическихъ мыслей о тактикѣ у Потресова тоже нѣтъ. Но, вообще, у него нѣтъ мыслей, почему ереси нельзя найти за неразысканіемъ адресата. Приходится искать ереси въ „полумысляхъ". Впрочемъ, „вѣрнѣе" будетъ ихъ искать въ „настроеніяхъ".

А потому: „что же обозначалъ непреоборимый легализмъ г. Потресова? Именно то, что онъ покинулъ точку зрѣнія революціоннаго марксизма".

Пусть разберется во всемъ этомъ, кто можетъ!

Потресовъ „покинулъ" ту точку зрѣнія революціоннаго марксизма, которую онъ никогда не раздѣлялъ, пока „шелъ съ нами". Потресовъ „возвратился въ лоно тѣхъ „легальныхъ марксистовъ", подъ вліяніемъ которыхъ сложилось все его міровозрѣніе", каково міровозрѣніе, замѣтьте, у „такихъ людей", вообще не бываетъ. Весьма убѣдительно. До такой степени убѣдительно, что Плехановъ, наконецъ, начинаетъ сердиться. „Мартовъ самъ, какъ видно, знаетъ этотъ „дефектъ" ума г. Потресова. Потому то онъ и предъявилъ мнѣ коварное требованіе указать его еретическія „мысли". Онъ понималъ, *что это невозможно*."

Такъ бы и говорили. Я въ „Гол. С.-Д." написалъ: „не знаю до сихъ поръ, какія *мысли*, выраженныя Потресовымъ въ данной статьѣ, послужили первопричиной разрыва Плеханова съ „Гол.". Плехановъ взялся въ цѣлой брошюрѣ доказать, что этотъ „секретъ" не былъ для меня секретомъ. „Я принужденъ отвѣчать, хотя, любя принципіальную полемику, я терпѣть не могу полемики, переходящей на личную почву", наивно замѣчаетъ онъ въ началѣ брошюры (стр. 4), рискуя вызвать улыбку на устахъ самаго довѣрчиваго читателя. Но, „принужденный отвѣчать" по пункту о „секретѣ", Плехановъ уже на 12-ой страницѣ признается, что „не возможно указать его (Потресова) еретическія мысли". Когда я ставилъ свой „коварный" вопросъ, я именно и хотѣлъ обнаружить, что Плеханову доказать наличность еретическихъ мыслей въ статьѣ Потресова никакъ невозможно. Вѣдь, я то зналъ, какъ усиленно онъ добивался отъ моихъ товарищей по „Голосу" — то есть косвенно отъ *самого Потресова* (ибо, помимо согласія послѣдняго, ничего нельзя было сдѣлать), — чтобы статья его вовсе *не появлялась въ печати*. Вѣдь, я то зналъ, что, согласившись въ концѣ 1908 года на наше предложеніе критиковать статью Потресова (т. е. вести съ нимъ *принципіальную* полемику) на страницахъ „Голоса", Плехановъ такой критики намъ не прислалъ, а взамѣнъ этого въ № 9 „Дневника" занялся *личными* нападками на Потресова.

Мой „коварный" ударъ, видимо, попалъ въ цѣль.

Итакъ, „во 1-ыхъ", для Плеханова подвергнуть критикѣ мысли Потресова „невозможно". Мыслей нѣтъ, есть полу-мысли; полумыслей нѣтъ, есть настроенія. Но и настроенія-то, какъ оказывается, тоже искать надо *не въ статьѣ* Потресова, ибо:

„Во вторыхъ, то обстоятельство, что умственный кругозоръ г. Потресова роковымъ образомъ ограничивался предѣлами внутреннихъ обозрѣній нашихъ (легальныхъ!) журналовъ, стояло, по моему мнѣнію, въ самой тѣсной связи съ его взглядомъ на значеніе нашей партіи".

*) Читатель помнитъ, что „Общ. движеніе" — книга легальная и нѣсколько связана въ цитированіи нелегальныхъ произведеній.

**) Курсивъ мой. Л. М.

***) Потресовъ не занимался самостоятельной разработкой вопросовъ теоріи, какъ не занимались ею ни П. Б. Аксельродъ, ни Троцкій, ни пишущій эти строки. Въ каждой партіи бываетъ раздѣленіе труда. Но во всѣхъ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ онъ воевалъ съ народниками и съ бернштейніанцами, онъ, подобно намъ всѣмъ, „защищалъ" марксистскую теорію.

Въ чемъ дѣло? „Засѣданіе редакціи, въ которомъ г. Потресовъ прочелъ первый... очеркъ первой части своей статьи, происходило у меня въ кабинетѣ. Г. Потресовъ пришелъ ко мнѣ часа за полтора до засѣданія и въ разговорѣ со мною высказалъ, что не видитъ смысла въ существованіи нашей партіи, какъ нелегальной организаціи. Могъ ли я не связать въ своемъ умѣ этого его мнѣнія съ тѣмъ фактомъ, признаннымъ самимъ Л. Мартовымъ, что „А Н. не можетъ выйти изъ роли историка журнальной (т. е. легальной! Г. П.) публицистики?"

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшую поправку. Въ письмѣ къ Г. В. Плеханову я писалъ, что тов. Потресовъ не выходитъ изъ роли историка журнальной публицистики, чѣмъ съуживаетъ картину идейной эволюціи до-революціонной эпохи. Въ мои слова Г. В. Плехановъ совершенно произвольно вставляетъ въ скобкахъ: „т. е., легальной!" Это „то есть" ничего общаго съ моей мыслью не имѣетъ. Называть статью Потресова очеркомъ исторіи *легальной* журналистики я не могъ потому, что, въ отличіе отъ Плеханова, не собирался ни отъ кого скрывать того факта, что *большая часть* статьи Потресова занята изложеніемъ и освѣщеніемъ эволюціи *нелегальной* публицистики (с.-д.-ской, народовольческой, народоправческой, с.-р-ской, освобожденческой и т. д.). Приставляя нѣсколько разъ къ слову „журнальная публицистика" эпитетъ „легальная", Плехановъ получаетъ возможность отыскать въ Потресовѣ „непреоборимый легализмъ". Дескать, пишетъ все о „легальномъ" въ прошломъ, стало быть, можетъ подозрѣваться въ „легализмѣ" по отношенію къ настоящему. Чувствуя, что это все-таки отдаетъ приготовительнымъ классомъ обличительной школы Н. Ленина, Плехановъ прибѣгаетъ къ экстренному пріему доказательствъ: статья, въ которой нѣтъ вредныхъ мыслей, читалась въ кабинетѣ Плеханова, а за полтора часа въ томъ же кабинетѣ Потресовъ „не видѣлъ смысла" въ существованіи нашей партіи; поэтому, Плехановъ „связалъ въ своемъ умѣ" и т. д.

По мнѣ, изъ этого слѣдуетъ не то, что въ статьѣ Потресова слѣдуетъ искать вредное „настроеніе", а то, что Плехановъ судилъ о статьѣ Потресова подъ вліяніемъ „настроенія", вызваннаго въ немъ дерзкими рѣчами Потресова о ненужности парти.

Теперь „секретъ" найденъ. Не сама по себѣ статья Потресова, не мысли, не полу-мысли, даже не настроенія, въ ней выразившіяся, вызвали „переворотъ, переживаемый" съ 1909 года Плехановымъ. Его вызвалъ, въ сущности, разговоръ о ненужности партіи.

Но меня смущаетъ слѣдующее обстоятельство.

Почему Г. В. Плехановъ ничего намъ не разсказалъ *ни тогда, ни послѣ* о такомъ разговорѣ съ Потресовымъ? Почему, когда мы, вмѣстѣ съ Плехановымъ и Потресовымъ, по редактированіи статьи послѣдняго, бесѣдовали на разныя политическія темы, и рѣчи не заходило о разрушительныхъ взглядахъ Потресова? Отчего *тогда* не открылъ намъ Плехановъ своего секрета? Отчего послѣ, въ ноябрѣ 1908 года, въ цитируемомъ имъ нынѣ письмѣ къ тов. Ф. Дану, Плехановъ только пишетъ о „презрѣніи" Потресова къ „подпольной литературѣ" и опять ни словомъ не упоминаетъ объ его мнѣніяхъ о ненужности партіи? Почему онъ тогда же принялъ, вмѣстѣ съ нами, рѣшеніе просить этого разрушителя партіи сотрудничать въ „Голосѣ"? Странно!

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что еще въ № 9 „Дневника" Г. В. Плехановъ упоминаетъ о другомъ подобномъ же разговорѣ съ нимъ Потресова (въ Мангеймѣ). На указаніе о томъ, что этотъ разговоръ, въ которомъ, яко-бы, Потресовъ фигурировалъ въ роли „ликвидатора", не помѣшалъ, однако, Г. В. Плеханову на Лондонскомъ съѣздѣ заявить, что у насъ въ партіи „почти нѣтъ ревизіонизма", послѣдній теперь отвѣчаетъ*): „открывая съѣздъ, я, признаюсь, совершенно забылъ о г. Потресовѣ и о моемъ мангеймскомъ разговорѣ съ нимъ въ частности". Повидимому, точно также „позабылъ" Плехановъ и о своемъ женевскомъ разговорѣ съ Потресовымъ уже спустя нѣсколько часовъ послѣ бесѣды. Эта забывчивость, однако, какъ видимъ, ни къ какимъ неудобствамъ для Плеханова не ведетъ, ибо, когда нужно... для объясненія того или иного „секрета", онъ вспоминаетъ позабытое.

Тов. Потресовъ уже протестовалъ противъ попытокъ ссылаться на частные разговоры, бывшіе нѣсколько лѣтъ назадъ. „Никто на Западѣ, возражаетъ Плехановъ, не видитъ ничего неприличнаго въ подобныхъ ссылкахъ". Плехановъ заблуждается: вездѣ на Западѣ этотъ пріемъ считается... рискованнымъ, и Плехановъ очень хорошо сдѣлаетъ, если, какъ онъ это дѣлалъ по поводу вопроса о характерѣ русской революціи, организуетъ анкету для выясненія мнѣнія видныхъ европейскихъ соціалистовъ объ этомъ пріемѣ борьбы за истину.

Пріемъ этотъ рискованъ уже потому, что въ передачу всего слышаннаго имъ лично и незапротоколированнаго каждый невольно вкладываетъ много субъективнаго.

Плехановъ говоритъ, что въ Лондонѣ онъ „позабылъ" о Мангеймской бесѣдѣ, бывшей за нѣсколько мѣсяцевъ до того. Какія у насъ гарантіи того, что онъ теперь, спустя 2 года, *вѣрно припомнилъ* то, что тогда позабылъ?

Употребляя этотъ рискованный пріемъ, Плехановъ попадаетъ въ пресмѣшное положеніе. „Такъ какъ г. Потресову и его покровителямъ остается теперь лишь прикрываться жалкими словами, то они закричатъ, пожалуй, что разговоры, подобные моему разговору съ Потресовымъ въ Мангеймѣ, должны оставаться въ тайнѣ. Но я заранѣе довожу до свѣдѣнія всѣхъ моихъ возможныхъ собесѣдниковъ, что я прошу не довѣрять мнѣ тайнъ,

*) Мой секретъ, стр. 16.

содержащихъ въ себѣ какой-нибудь замыселъ *противъ существованія нашей партіи*. Я не берусь хранить подобныхъ тайнъ".

А, между тѣмъ, хранилъ! Хранилъ три слишкомъ года! Три года не предупреждалъ партію о „замыслѣ противъ ея существованія". И только теперь, когда Потресовъ поставилъ ему ребромъ вопросъ о „секретѣ" той ереси, которая заключается въ его статьѣ, Г. В. Плехановъ воскликнулъ: *знаю слово и дѣло государево!*

Положимъ, за „слово и дѣло", во время сказанное, нынче въ извѣстныхъ кругахъ могутъ хорошую награду дать. Но только: во время сказанное. За сказанное же послѣ трехъ лѣтъ „храненія тайны" какъ бы наши Шешковскіе не позвали къ отвѣту самого „докладчика" и не допросили его съ пристрастіемъ: а почему ты объ ономъ зломъ умыслѣ въ тотъ же часъ никому не донесъ? Почему спустя 2 года того злоумышленника въ кабинетѣ своемъ принималъ? И не былъ ли того злого умысла укрыватель и попуститель? и т. д. Не ручаюсь, что среди современныхъ Шешковскихъ не найдется нелицепріятнаго человѣка, который найдетъ, что именно для такихъ случаевъ въ старину дѣйствовало правило: „доносчику — первый кнутъ".

Положеніе человѣка, восклицающаго: „не берусь хранить" подобнаго „секрета" и въ то же время признающагося, что онъ хранилъ его 3 года, воистину трагично. Плехановъ не можетъ не видѣть, что его джентльменскія ссылки на частные разговоры въ Мангеймѣ и Женевѣ не многимъ покажутся убѣдительными и что „секретъ" великаго гнѣва остается секретомъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Плеханову остается только аппелировать къ доказательствамъ изъ міра сверхъ-чувственнаго. Если, редактируя съ нами статью Потресова, Плехановъ не могъ намъ не только *доказать*, что статья плоха, но и *разсказать* толкомъ, почему онъ ее считаетъ плохой, за то онъ показалъ, что „обладаетъ недурнымъ чутьемъ революціонера" (стр. 14).

Это значитъ, что, за исчерпаніемъ всѣхъ возможныхъ доказательствъ, Г. В. Плехановъ обратится къ тов. Алексѣю Московскому.

Сей товарищъ, коего доблестныхъ качествъ я отнюдь не думаю отрицать, не отличается, повидимому, ни хорошей памятью, ни склонностью точно передавать свои воспоминанія. Почему-то, когда читаешь его сообщенія, вспоминаешь о томъ героѣ анекдота, который, ошеломивъ слушателей своимъ разсказомъ, неизмѣнно прибавлялъ: „это, господа, не фактъ, а дѣйствительное происшествіе". Написавъ большую статью о ликвидаторахъ, тов. Алексѣй Московскій сообщилъ одно „дѣйствительное происшествіе" такого именно рода. Пріѣзжалъ, дескать, въ Москву въ 1908 году тов. И. и предлагалъ „распустить все". Несмотря на явную глупость сообщенія, сдѣланнаго въ такой формѣ, редакція нашего, такъ называемаго, центральнаго органа нашла, что опубликовать это „дѣйствительное происшествіе" слѣдуетъ*). Она, однако, согласилась съ моимъ указаніемъ на то, что въ задачи центральнаго органа партіи вовсе не входитъ давать Департаменту Полиціи точныхъ указаній относительно маршрута, которымъ слѣдуетъ тотъ или иной нелегальный товарищъ при своихъ поѣздкахъ — это, въ сущности, дѣло „филеровъ". Было, поэтому, рѣшено при печатаніи «тарасконадъ» товарища Алексѣя Московскаго, фамилію героя „дѣйствительнаго происшествія" не разсказывать, а замѣнить ее указаніемъ на высокое положеніе этого товарища въ партіи. Какъ водится у добрыхъ людей, это редакціонное измѣненіе поручено было сдѣлать „товарищу секретарю". Но товарищъ секретарь редакціи Ц. О. отличается плохой сообразительностью. Ему поручили отмѣтить высокое положеніе товарища И. въ партіи. Товарищъ секретарь долго ломалъ свою бѣдную голову надъ вопросомъ, какъ опредѣлить партійное положеніе тов. И. Дѣло было не легкое. Еслибъ рѣчь шла о большевикѣ, то товарищъ секретарь могъ бы, пожалуй, прибѣгнуть къ описательному методу, которымъ, по разсказамъ, пользовались китайцы въ русской Манджуріи, чтобы выразить служебное положеніе русскаго чиновника. Усвоивъ себѣ терминъ: „капитанъ", они, например, исправника звали: „*шибко бери—капитанъ*". Этимъ методомъ, повторяю, можно было бы какъ нибудь обозначить виднаго члена большевистскаго центра. Но виднаго меньшевика? Сказать просто: „членъ Ц. К."? Не достаточно высоко, подумалъ секретарь, лучше сказать: „лицо, близкое къ редакціи „Гол. С.-Д." Ибо, въ самомъ дѣлѣ, есть ли въ партіи болѣе высокое положеніе, чѣмъ то, которое опредѣляется близостью къ этой редакціи? Но тутъ случилось слѣдующее носчастіе. Совершивъ такую замѣну, тов. секретарь вложилъ въ уста тов. Алексѣю завѣдомую *ложь*. Ибо тов. секретарь хорошо зналъ, что во время упомянутой т. Алексѣемъ поѣздки т. И. въ Москву послѣдній не только не стоялъ „близко" къ редакціи „Голоса", но и не имѣлъ къ ней, вообще, никакого отношенія. Значительно позже этой поѣздки тов. И., вынужденный бѣжать заграницу, сталъ, вообще, въ какія нибудь отношенія къ редакціи. Но, какъ извѣстно, иногда и ложь бываетъ во спасеніе. Тов. Алексѣй хотѣлъ „разоблачить" тов. И., какъ „ликвидатора". Путемъ невинной замѣны, мотивируемой требованіями конспираціи, получилась возможность „разоблачить" лишній разъ „Голосъ".

На недавнемъ засѣданіи пленума Ц. К. этотъ милый эпизодъ былъ изложенъ и освѣщенъ. Было указано, что „проворство рукъ", проявленное несообразительнымъ секретаремъ при сей оказіи и проявлявшееся имъ и въ другихъ случаяхъ, столь же неумѣстно при веденіи „центральнаго" органа, какъ оно неумѣстно, скажемъ, въ карточной игрѣ. Тов. секретарь пережилъ нѣсколько невеселыхъ минутъ. Вы понимаете, что, если онъ и теперь продолжаетъ сидѣть на томъ же секретарскомъ мѣстѣ, то это не свидѣтельствуетъ объ избыткѣ самолюбія у этого изобличеннаго владѣльца проворныхъ рукъ...

Это, впрочемъ, дѣло домашнее, и упомянуть о немъ мнѣ нужно было лишь потому, что игра рукъ „товарища секретаря" ввела въ соблазнъ, въ числѣ прочихъ „малыхъ сихъ", и Г. В. Плеханова. У него, какъ онъ сообщилъ въ 10 № „Дневника", былъ другой списокъ статьи Алексѣя Моск. Сличивъ этотъ списокъ съ текстомъ, помѣщеннымъ въ Ц. О., тов. Плехановъ нашелъ нѣсколько искаженій, на которыя указалъ. Онъ нашелъ также и имя тов. И. Не желая, подобно гоголевской унтеръ-офицершѣ, отказываться отъ „своего счастья", Г. В. Плехановъ рѣшилъ сдѣлать двойное употребленіе изъ двухъ редакцій замѣчательнаго произведенія т. Алексѣя. Евангеліемъ отъ Алексѣя онъ воспользовался, чтобы „распушить" т. И. въ выраженіяхъ, которыя были бы грозны, еслибъ не были смѣшны, и съ паѳосомъ, который напоминалъ бы о посланіи Курбскаго къ Іоанну, еслибъ не былъ такъ похожъ на паѳосъ рѣчей Кабанихи въ „Грозѣ". Евангеліемъ же отъ товарища секретаря онъ воспользовался для того, чтобы сдѣлать въ „Моемъ секретѣ" слѣдующее ехидное примѣчаніе:

„Само собой разумѣется, что я, имѣвшій въ то время неосторожность принадлежать къ редакціи „Голоса С.-Д.", ровно ничего не зналъ о деликатной миссіи „лица", къ ней близкаго. Должно быть, это произошло потому, что я по духу своему къ ней близокъ не былъ. Благодарю боговъ за эту ихъ ко мнѣ милость."

Чтобы добиться „милости" отъ того бога, при которомъ жрецами состоятъ проворные секретари, Плехановъ вынужденъ ссылаться на величину столь невѣсомую, какъ „духъ". „По духу — братья мы съ тобою", увѣряетъ онъ тов. Тышко изъ польской соц.-д.-іи.

Однако, духъ, какъ говорилъ одинъ писарь, матерія тонкая, а гдѣ тонко, тамъ и рвется. Рвется и у Плеханова. Имѣвъ неосторожность принадлежать къ редакціи „Голоса"*), Плехановъ доподлинно знаетъ, что во время, описываемое Алексѣемъ Московскимъ, т. И. отношенія къ редакціи „Голоса" не имѣлъ. Говорить, поэтому, о „деликатной миссіи", выполнявшейся „близкимъ лицомъ", онъ не имѣлъ никакого основанія. А инсинуировать о томъ, что отъ него скрыли противопартійную „миссію" — и того менѣе.

Быть введеннымъ въ заблужденіе тарасконскимъ разсказомъ о „дѣйствительномъ происшествіи" и поднять смѣшной шумъ по этому поводу — для этого нужно только находиться въ сердитомъ настроеніи. Но, чтобы на основаніи „проворства рукъ" нѣкоего секретаря, брызгать намеками на якобы скрытую „деликатную "миссію" — для этого, согласитесь, нужна таки нѣкоторая неразборчивость пріемовъ.

До сихъ поръ мы говорили о двухъ употребленіяхъ, сдѣланныхъ Г. В. Плехановымъ изъ небывшаго „дѣйствительнаго происшествія" въ его борьбѣ съ „Голосомъ" вообще. Теперь переходимъ къ третьему употребленію, изъ него сдѣланному „по дѣлу Потресова" въ частности. Подумайте, говоритъ Плехановъ, около того времени, когда Потресовъ читалъ намъ въ Женевѣ свою статью, близкое къ „Голосу" лицо въ Москвѣ утверждало: „надо распустить все!"

Ну, развѣ же не ясно изъ этого, что статья Потресова преступна и что „я обладаю недурнымъ чутьемъ революціонера?"

Еще бы! Угадать въ Женевѣ осенью 1908 года, что „ляпнетъ" Алексѣй Московскій черезъ годъ — для этого одного требуется „недурное чутье". Но, чтобы угадать за годъ, какъ *совретъ* вышеупомянутый секретарь, — для этого, пожалуй, нужно обладать даромъ ясновидящей.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти чудеса не могутъ скрыть отъ насъ того факта, что въ „секретномъ" дѣлѣ о Потресовѣ „сказаніе" о тов. И. рѣшительно не причемъ.

Если нельзя доказать, что Потресовъ въ своей статьѣ *сталъ* на оппортунистическій путь, то нельзя ли свернуть разговоръ на то, что онъ *всегда былъ* оппортунистомъ?

Чтобы совершить эту диверсію, Плехановъ примѣняетъ послѣднее, воистину крайнее средство, — l'effort suprême, какъ говорятъ французы: Не найдя нужныхъ „доказательствъ" ни въ головѣ своей, ни въ своемъ портфелѣ, онъ справился въ ящикѣ т. Р. Плехановой и извлекъ оттуда письмо къ ней отъ П. Б. Аксельрода, въ которомъ послѣдній пишетъ о Потресовѣ или, вѣрнѣе, о шумѣ, поднятомъ Плехановымъ по поводу Потресова. Аксельродъ говоритъ въ своемъ письмѣ: „духъ и направленіе статьи Потресова тѣ же, что проявлялись прежде въ его работахъ" и прямо заявляетъ, что онъ въ прочитанной имъ части статьи Потресова никакого поворота къ струвизму не усмотрѣлъ. Плехановъ комментируетъ: это значитъ, что Потресовъ „и раньше — уже начиная со статьи „Что случилось" — былъ струвистомъ". Противъ безцеремоннаго навязыванія такого вывода П. Б. Аксельроду, послѣдній, какъ увидитъ читатель, рѣшительно протестуетъ. Я же позволю себѣ столь же рѣшительно оспорить дальнѣйшее утвержденіе Плеханова о томъ, что онъ со времени статьи „Что случилось" (Заря 1901 г.) „видѣлъ струвизмъ въ г. Потресовѣ".

---

*) Къ этому времени „инцидентъ" съ тов. Череванинымъ, который, якобы, держалъ такія же рѣчи, былъ окончательно исчерпанъ, такъ какъ большевистскіе „сочинители" ничего не могли возразить на его категорическое опроверженіе. „Дѣйствительное происшествіе" тов. Алексѣя пришло, поэтому, какъ нельзя болѣе кстати.

*) Надо сказать, что „неосторожность" завела въ этомъ случаѣ Плеханова довольно далеко. Въ теченіе всей второй половины 1907 года онъ одинъ — изъ всего позднѣйшаго состава редакціи „Голоса" — горячо отстаивалъ необходимость образованія заграницей меньшевистскаго органа, противъ чего первоначально возставали и я, и П. Б. Аксельродъ. Лишь когда заграницу прибыли Мартыновъ и Данъ, пришедшіе къ тому выводу, что безъ заграничнаго органа не обойтись, идея „Голоса", первоначально отстаивавшаяся однимъ Плехановымъ, могла осуществиться, причемъ Плеханову пришлось еще потратить не мало краснорѣчія, чтобы убѣдить насъ, что такое предпріятіе своевременно. Этакій неосторожный юноша!

Онъ говоритъ, что „до поры, до времени льстилъ себя той надеждой, что г. Потресовъ разовьется въ марксиста и по тому самому перестанетъ быть струвистомъ. А потомъ я увидѣлъ, что и эта надежда не основательна, и тогда я сказалъ себѣ и другимъ: баста, я Потресову не товарищъ".

Все это — чистѣйшая фантастика, въ которой нѣтъ и зерна истины. Плехановъ въ періодъ, когда работалъ вмѣстѣ съ Потресовымъ, не считалъ его „струвистомъ", и я это докажу... словами самого Плеханова.

„Нужно, чтобы слова имѣли человѣческій смыслъ. Какой же Мартовъ оппортунистъ? Какой оппортунистъ Аксельродъ или *Старовѣръ?* (курсивъ мой. Л. М.). Когда Каутскій услыхалъ, что ихъ называютъ оппортунистами, то онъ расхохотался".

Эти слова Плехановъ можетъ прочесть въ изданномъ въ Женевѣ въ 1904 году отчетѣ о собраніи членовъ Р. С.-Д. Р. П. 2 сентября того же года для обсужденія вопроса объ объединеніи фракцій. Слова эти сказаны были Плехановымъ въ его рѣчи въ защиту объединенія. Они были сказаны черезъ 3 года послѣ статьи „Что случилось?". Тогда и Плехановъ требовалъ, чтобы слова „имѣли человѣческій смыслъ". Нынче Плехановъ довольствуется смысломъ... большевистскимъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этого Плехановъ писалъ въ № 65 „Искры"*), объясняя большевикамъ свой переходъ къ меньшевикамъ:

„Посмотрите на „меньшинство". По вопросамъ *программы* оно стоитъ на одной съ нами теоретической позиціи. Даже гораздо болѣе: его вожаки — тов. Старовѣръ, П. Аксельродъ, В. Засуличъ, Л. Мартовъ — принимали самое дѣятельное и плодотворное участіе *въ выработкѣ и защитѣ программы***). По основнымъ вопросамъ тактики они явились даже главными выразителями взглядовъ (надѣюсь, ортодоксальныхъ) нашей партіи, потому, что *ими предложена была* найбольшая часть тѣхъ рѣшеній, которыя нашъ второй съѣздъ принялъ даже безъ преній... Нѣкоторые отмѣчаютъ, что проектъ рѣшенія, предложеннаго мною по вопросу о либералахъ, не похожъ на проектъ, предложенный тов. Старовѣромъ... Но... ереси-то въ немъ ровно никакой не откроешь никакимъ реактивомъ. Я самъ сдѣлалъ на съѣздѣ нѣсколько частныхъ замѣчаній по его поводу. Но мнѣ и не снилось, что эти мои частныя замѣчанія могутъ быть истолкованы въ смыслѣ *обвиненія тов. Старовѣра въ склонности къ ревизіонизму* (курсивъ мой). Въ такомъ истолкованіи опять слишкомъ много уже знакомаго намъ *усердія не по разуму*".

Комментаріи, пожалуй, и излишни. По вопросу о томъ, какъ Плехановъ смотрѣлъ на Потресова въ прошломъ, существуютъ два прямо противоположныхъ показанія Плеханова. Въ 1910 году онъ утверждаетъ, что всегда считалъ Потресова „струвистомъ", въ 1904 — онъ говорилъ, что лишь „усердіе не по разуму" можетъ отрицать ортодоксальность Потресова. Какое изъ показаній вѣрнѣе выражаетъ *подлинныя мысли* Плеханова о Потресовѣ? Должно быть то, которое сказано не „въ запальчивости и раздраженіи", не подъ вліяніемъ гнѣва великаго... Лично я все таки больше вѣрю Плеханову, когда его словамъ вторитъ „хохотъ" Каутскаго, чѣмъ когда они аккомпанируются гоготаньемъ тѣхъ „совѣтниковъ Ивановыхъ", въ полемикѣ съ которыми онъ защищалъ въ 1904 году тов. Потресова.

Кто слишкомъ много хочетъ доказать, ничего не доказываетъ. Плехановъ хотѣлъ доказать, что Потресовъ послѣ своей статьи не можетъ считаться его товарищемъ. Чтобы доказать это, Плехановъ сталъ доказывать, что и въ Мангеймѣ въ 1907 году, и еще въ 1901 году Потресовъ былъ неблагонадежнымъ. Плехановъ безспорно доказалъ очень много. Одно лишь онъ не доказалъ, но это одно и должно было составлять содержаніе его брошюры: онъ не доказалъ, *что статья Потресова имѣетъ какое нибудь отношеніе къ ревизіонизму, ликвидаторству, и прочимъ ересямъ; что въ статьѣ высказано что нибудь, противорѣчащее нашимъ принципамъ.*

Намъ, поэтому, придется самимъ разобраться въ вопросѣ, почему же Плехановъ огорчился статьей Потресова? Если Плехановъ не можетъ изложить причины своего гнѣва, это не значитъ, что такой причины не существуетъ.

Освобожденное отъ покрововъ личнаго озлобленія, мнѣніе Плеханова о статьѣ Потресова сводится къ тому, что послѣдній недостаточно высоко оцѣнилъ роль, сыгранную революціоннымъ марксизмомъ въ исторіи развитія русской общественной мысли.

Такой недооцѣнки я въ статьѣ Потресова не нашелъ и не нахожу. Возможно, что я ошибаюсь какъ ошибаются и многочисленные читатели, не замѣтившіе въ статьѣ этого порока. Возможно, слѣдовательно, что правъ Плехановъ. Но онъ этого не доказалъ. Ибо доказать это можно только путемъ научной критики, а не переводя вопросъ на почву политическихъ счетовъ. Вмѣсто того, чтобы *восклицать*, что Потресовъ — „господинъ", надо было *доказать*, что онъ плохой историкъ.

Но доказывать, что Потресовъ недооцѣнилъ историческую роль, сыгранную революціоннымъ марксизмомъ, Плеханову было не... удобно. Ибо всѣмъ извѣстно, что виднѣйшимъ представителемъ революціоннаго марксизма въ Россіи являлся и является Плехановъ. Не удобно послѣднему было доказывать, что роль, которую онъ игралъ въ развитіи русской общественной мысли, недостаточно оцѣнена въ исторической статьѣ Потресова.

А если такъ, то Плеханову лучше было бы не начинать вовсе „дѣла о Потресовѣ". Этимъ онъ избавилъ бы себя отъ положенія, которое нельзя назвать иначе, какъ смѣшнымъ.

Не находитъ ли Г. В. Плехановъ, что къ этому положенію онъ не пришелъ бы, еслибъ съ самаго начала сообразилъ, что судить о томъ, насколько вѣрно тотъ или другой историкъ обрисовалъ роль Г. В. Плеханова въ исторіи развитія общественной мысли, гораздо легче постороннимъ, чѣмъ самому Г. В. Плеханову? Что, сохраняя за собой право имѣть свое мнѣніе о томъ, насколько правильно историкъ оцѣнилъ его собственное значеніе, такъ называемый „великій человѣкъ" поступаетъ умнѣе, если не открываетъ urbi et orbi этого мнѣнія? Что, рѣшившись все таки повѣдать міру это открытіе, „великій человѣкъ" упускаетъ послѣдній случай скрыть свои „маленькія слабости", когда, на основаніи такого своего мнѣнія, объявляетъ провинившагося историка внѣ товарищескаго общенія, а всѣхъ его друзей, родственниковъ, издателей, сотрудниковъ, наборщиковъ и просто добрыхъ знакомыхъ — врагами партіи? Что, наконецъ, если „великій человѣкъ" имѣетъ право показываться иногда... въ халатѣ, то *не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ „правомъ"*?

Плехановъ не доказалъ, что статья Потресова противорѣчитъ въ чемъ нибудь принципамъ марксизма. Напротивъ, своей брошюрой онъ лишь подтвердилъ то, что причину своего недовольства этой статьей онъ „конспирировалъ". Но онъ подтвердилъ не только это. Онъ подтвердилъ также и то, что *именно изъ-за недовольства тѣмъ, что редакція „Голоса" отказалась вмѣшаться въ дѣла „пятитомника"*, Плехановъ разошелся съ „Голосомъ", а вовсе не изъ-за „ликвидаторскихъ" тенденцій послѣдняго въ организаціонномъ вопросѣ, какъ онъ неоднократно впослѣдствіи давалъ понять.

Неудовлетвореніе немотивированныхъ литераторскихъ претензій Плеханова — вотъ то обстоятельство, которое содѣйствовало „просіянію его ума" относительно того, что онъ „никогда не былъ близокъ по духу" къ меньшевикамъ.

Констатированіемъ этого печальнаго факта я могъ бы закончить мою разросшуюся статью, но предварительно считаю необходимымъ коснуться нѣсколькихъ частныхъ вылазокъ Г. В. Плеханова противъ моихъ товарищей и меня.

* *
*

Говоря о Потресовѣ, Г. В. Плехановъ усиленно подчеркиваетъ его прошлое „легальнаго марксиста". Въ устахъ пѣвца „подполья", какимъ на склонѣ лѣтъ становится Плехановъ, это упоминаніе дышетъ чрезвычайнымъ презрѣніемъ, а въ длинныхъ ушахъ иныхъ „профессіональныхъ" бездѣльниковъ, трущихся въ наше безвременье около соціальдемократіи, эпитетъ „легальный марксистъ" долженъ звучать чѣмъ то напоминающимъ слово „жидо-масонъ" въ обиходѣ нашихъ монархистовъ.

Потресовъ, дѣйствительно, былъ „легальнымъ марксистомъ" до тѣхъ поръ, пока, отбывъ ссылку за нелегальную с.-д. дѣятельность, не эмигрировалъ, чтобы принять участіе въ изданіи „Искры" и „Зари". Постольку онъ виновенъ и снисхожденія не заслуживаетъ. Но, если его слѣдуетъ осудить, то справедливость требуетъ, чтобы въ мотивированномъ приговорѣ было указано, что, въ качествѣ *легальнаго* марксиста, онъ вписалъ свое имя въ исторію русской революціонной соціальдемократіи, какъ человѣкъ, который въ 1895 году убѣдилъ Г. В. Плеханова издать *легально* его извѣстную книгу: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію", и издалъ эту книгу, равно какъ и его же книгу — „Обоснованіе народничества" и т. д. Я настаиваю на томъ, чтобы въ „статейномъ спискѣ" подсудимаго было упомянуто, что онъ, такимъ образомъ, болѣе всѣхъ виновенъ въ томъ, что революціонный марксизмъ уже за 10 лѣтъ до русской революціи былъ вытащенъ изъ подполья и сталъ пропагандироваться „на людяхъ".

Я выражаю глубокую увѣренность въ томъ, что воспоминаніе объ этомъ преступленіи, сдѣланномъ „легальнымъ" Потресовымъ по отношенію къ русскому пролетаріату, позволяетъ ему съ полнымъ спокойствіемъ отнестись къ нынѣ ведущемуся около его имени шуму. То, что Потресовъ въ 1895 году издалъ въ Россіи Плеханова, останется записаннымъ въ его, Потресова, біографіи; то, что въ 1910 году Плехановъ пытался его „разжаловать" въ „господа", постараются вычеркнуть изъ біографіи самаго Плеханова тѣ, которые ею будутъ заниматься.

Начавъ изъ-за статьи Потресова войну съ меньшевиками вообще, Г. В. Плехановъ въ № 10 „Дневника" и въ „Моемъ секретѣ" постарался возможно больнѣе щипнуть и т. Мартынова, и т. Аксельрода. И тамъ, и тутъ дѣло не обошлось безъ прогулки въ халатѣ, безъ обнаруженія маленькихъ слабостей, которыхъ лучше было бы не показывать. Оба товарища дали тому несомнѣнно поводъ: Аксельродъ уже тѣмъ, что постоянство его позиціи съ самаго 1903 года въ вопросахъ внутри партійной борьбы непріятно контрастируетъ съ легкимъ порханіемъ Плеханова отъ большевиковъ къ меньшевикамъ, отъ послѣднихъ къ „не-фракціоннымъ" с.-д. и обратно; Мартыновъ — тѣмъ, что разоблачилъ безстыдную попытку одного большевика явно сфальсифицировать исторію русской соц.-дем., чтобы польстить самолюбію Г. В. Плеханова. Объ этомъ не стоило бы здѣсь говорить. Но на одно обстоятельство я долженъ обратить вниманіе. Недовольный выступленіемъ Мартынова противъ фельетониста „Пролетарія", Плехановъ счелъ умѣстнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы загладить одну свою прошлую вину передъ большевиками. Тов. Мартыновъ упомянулъ объ его извѣстномъ лозунгѣ: „полновластная Дума". Плехановъ старается убѣдить большевиковъ, что онъ этимъ лозунгомъ вовсе не намѣренъ былъ сближать буржуазную оппозицію съ соціальдемократіей, а, напротивъ, помочь разоблаченію первой.

Что Плехановъ теперь, заднимъ числомъ, старается прикрасить въ глазахъ большевиковъ и польскихъ с.-д. тѣ свои политическія дѣйствія, за которыя онъ ими былъ объявленъ оппортунистомъ — это не можетъ удивить послѣ того, какъ онъ повѣдалъ, что никогда не былъ близокъ по духу намъ, меньшевикамъ." Но что онъ при этомъ хочетъ представить Мартынова дьяволомъ оппор-

*) Ст. „Централизмъ или бонапартизмъ?"

**) Сравните эти слова съ нынѣшнимъ вопросомъ Плеханова: пусть мнѣ укажутъ, когда Потресовъ защищалъ ортодоксію?

тунизма, тщетно пытавшимся соблазнить его революціонную невинность, — это уже слишкомъ. А Плехановъ это именно дѣлаетъ.

Мартыновъ, разоблачая безстыдную лесть фельетониста „Пролетарія" Плеханову, сказалъ, что при другихъ обстоятельствахъ этотъ фельетонистъ вспомнилъ бы о „полновластной Думѣ", чтобы изобразить Плеханова крайнимъ представителемъ тактики сближенія с.-д. съ кадетами. Плехановъ восклицаетъ: наивный Мартыновъ, желая меня защитить, оправдываетъ „полновластную Думу" путемъ ея оппортунистическаго толкованія въ смыслѣ сближенія съ к.-д. Нѣтъ, рѣшительно заявляетъ Плехановъ, съ такимъ толкованіемъ я не согласенъ. Мой господь богъ никогда меня не создавалъ такимъ оппортунистомъ, какимъ былъ и остается Мартыновъ.

Недоразумѣніе здѣсь заключается въ томъ, что Мартыновъ, полемизируя съ „Пролетаріемъ", *вовсе не защищаетъ* неудачнаго выступленія Плеханова съ „полновластной Думой". Ни онъ, ни кто изъ насъ на себя отвѣтственности за это его неудачное выступленіе не принималъ. Плехановъ могъ бы сберечь всю свою иронію по адресу „оппортуниста" Мартынова, еслибы припомнилъ тотъ непріятный для него фактъ, что въ свое время мы съ тов. Мартыновымъ *вполнѣ дезавуировали* его неудачную попытку „поймать" кадетовъ при помощи замѣны „Учр. Собранія" „полновластной Думой". Въ журналѣ, въ редакціи котораго участвовалъ и Мартыновъ, было рѣшительно мною заявлено, что Плехановъ сдѣлалъ ошибку.*) А когда соблазненный Плехановскимъ призывомъ, д-ръ Н. Васильевъ предложилъ с.-д. отказаться отъ политической программы минимумъ и не былъ дезавуированъ Плехановымъ, на котораго онъ сослался, то я въ тѣхъ же „Откликахъ" разъяснилъ „ликвидаторскій" смыслъ статьи Васильева, на что — Плехановъ помнитъ? — послѣдній жаловался въ письмахъ, находя, что съ д-ромъ Васильевымъ поступлено нами слишкомъ круто. Но поднять перчатку Плехановъ не рѣшился и о „полновластной Думѣ" съ тѣхъ поръ вспоминаетъ безъ большой охоты. Читатель, во всякомъ случаѣ согласится, что попытка свалить эту самую полновластную Думу на плечи Мартынова есть покушеніе съ негодными средствами.

И, наконецъ, Плехановъ касается лично меня. Онъ оказалъ мнѣ честь, вынеся въ печать мои письма, и тѣмъ побуждаетъ меня дать читателю нѣкоторыя объясненія по поводу этихъ продуктовъ моей литературной дѣятельности, мною предназначавшихся исключительно для Г. В. Плеханова.

Я прежде всего долженъ остановиться на концѣ 2-го письма. Въ немъ я отъ своего имени и имени Дана прошу Г. В. Плеханова имѣть въ виду, что „личнаго осадка" у насъ противъ него не остается и что его рѣшеніе (выйти изъ редакціи „Обществ. движ.") мы не считаемъ продуктомъ каприза.

Такъ какъ Плехановъ эти мои слова подчеркиваетъ, я долженъ указать, что они явились отвѣтомъ на просьбу, заключавшуюся въ его собственномъ письмѣ — не смотрѣть на его рѣшеніе, какъ на капризъ, и считаться съ тѣмъ, что оно имъ принято съ тяжелымъ сердцемъ.

Минуя всѣ остальные моменты въ моихъ письмахъ, я считаю нужнымъ остановиться лишь на одномъ обстоятельствѣ.

Въ обоихъ письмахъ — и въ личныхъ бесѣдахъ — я всячески убѣждалъ Плеханова въ томъ, что его отрицательная оцѣнка исторической статьи Потресова не можетъ служить для него основаніемъ къ *политическому* расхожденію съ нимъ. Допускаю условно — писалъ я — что статья совсѣмъ плоха, вижу самъ въ ней частные недостатки, но не могу усмотрѣть основаній для Вашего объявленія Потресову войны.

Эта аргументація побуждаетъ Плеханова добродушно иронизировать насчетъ моей „снисходительности".

На эту иронію я собственно могъ бы не отвѣчать. То, что Плехановъ называетъ моей „снисходительностью", есть не что иное, какъ постоянное стремленіе охранять единство партіи, фракціи, отдѣльной коллегіи — всякаго жизненнаго политическаго коллектива, связаннаго дѣйствительнымъ единствомъ программныхъ и тактическихъ воззрѣній. Этого своего качества я не стыжусь и охотно противопоставлю свою „снисходительность", которую я считаю первой обязанностью отвѣтственнаго представителя с.-д. пролетаріата, той интеллигентской, литераторской „строгости", за которою у насъ въ Россіи скрывается сплошь и рядомъ полное отсутствіе чувства отвѣтственности, грубое торжество мѣщанскаго „индивидуализма".

Но мои письма, опубликованныя Плехановымъ, дали, повидимому, поводъ упрекать меня въ другой, противоположной „снисходительности": въ снисходительности къ явно дезорганизаторскимъ тенденціямъ нашего „шефа" партіи. Меня упрекаютъ въ томъ, что въ этихъ письмахъ я черезчуръ дипломатически „уговаривалъ" Плеханова сложить гнѣвъ на милость.**)

Покуда рѣчь шла о томъ, что Плехановъ грозитъ выступить изъ ред. „Обществ. движ.", я считалъ себя *обязаннымъ* приложить всѣ усилія, чтобы, не поступаясь своимъ мнѣніемъ, удержать его отъ скандальнаго (для него!) при данныхъ условіяхъ выступленія противъ злополучной статьи. Здѣсь рѣчь шла только о литературной репутаціи Плеханова, которую могла только скомпрометировать склока изъ-за „недооцѣнки" Потресовымъ его исторической роли. Имя Плеханова — наше общее партійное достояніе, и, пока на карту было поставлено только оно, я обязанъ былъ быть „снисходительнымъ" и къ слабостямъ Плеханова.

*) Это сдѣлано въ „Откликахъ" № 1, дек. 1906 г. Поводомъ для замѣтки послужила защита Плехановскаго лозунга никѣмъ инымъ, какъ ненавистнымъ ему нынѣ Н. Валентиновымъ.

**) Между прочимъ, во второмъ письмѣ я упоминаю о томъ, что мнѣ постоянно приходилось заботиться о склеивании расклеивающихся коллегій. Говоря это, я намекалъ Плеханову на „инциденты", неоднократно возникавшіе въ коллегіи „Искры" и вызывавшіеся „индивидуалистическими" (выражаясь мягко) замашками Н. Ленина и Г. Плеханова.

Когда я увидѣлъ, что Плехановъ доводамъ нашимъ не внемлетъ, я ему написалъ, въ отвѣтъ на заявленіе о выходѣ изъ редакціи „Обществ. движ.": не настаиваю на перемѣнѣ Вашего рѣшенія. То есть: поступайте, какъ знаете.

Плехановъ поступилъ такъ, какъ поступалъ въ прежнія времена. Выйдя изъ „пятитомника", онъ пытался внести „вопросъ о Потресовѣ" въ редакцію „Голоса С.-Д.", требуя отъ послѣдней ни болѣе, ни менѣе, какъ давленія на редакцію „пятитомника" въ цѣляхъ взятія назадъ статьи Потресова (а, слѣдовательно, и *введенія обратно въ редакцію вышедшаго изъ нея Плеханова*).

Съ этого момента я пересталъ быть „снисходительнымъ". Теперь рѣчь шла уже не просто о репутаціи Плеханова; рѣчь шла о воскрешеніи тѣхъ методовъ, посредствомъ которыхъ Плехановъ и Ленинъ въ 1901-3 гг. и одинъ Плехановъ въ 1903-5 гг. дезорганизовывали партійныя литературныя коллегіи, противоставляя свое единоличное желаніе волѣ большинства. Рѣчь шла о методѣ угрозы по адресу представителей меньшевистскаго теченія: если вы не поддержите меня въ дѣлахъ посторонней къ вамъ литературной коллегіи, — я порву съ вами и со всѣмъ меньшевизмомъ.

Мы не уступали этимъ угрозамъ въ 1904 и 5 гг. и, когда весной 1905 г. Плехановъ исполнилъ угрозу и порвалъ съ меньшевиками, мы убѣдились на практикѣ, что соціальдемократія русская вышла изъ младенческаго состоянія и уже не можетъ управляться дикими капризами „вождей": черезъ годъ—въ Стокгольмѣ—Плехановъ вернулся въ лоно меньшевизма и даже подписалъ резолюцію съ ужасными словами „революціонное самоуправленіе" тѣми самыми словами, аттакой на которыя онъ въ 1905 году началъ было «размежевываться» съ нами*).

Опытъ этотъ утвердилъ насъ въ убѣжденіи, что русскій соц.-дем. пролетаріатъ теперь уже на мякинѣ не проведешь и всякую литературную дрязгу онъ поводомъ для межеванія не сочтетъ.

Зная это, мы безъ всякой „снисходительности" отвѣтили Плеханову: Ваши дѣла съ пятитомникомъ остаюся личными Вашими дѣлами; если хотите, критикуйте Потресова въ „Голосѣ"; но, какъ литературной коллегіи, политически отвѣтственной передъ соціальдемократіей, намъ нечего дѣлать въ вопросѣ о Вашемъ выходѣ изъ редакціи „Обществ. движенія". Къ угрозамъ о разрывѣ съ меньшевиками мы отнеслись вполнѣ спокойно, зная, что внѣ меньшевизма у Плеханова объективно нѣтъ другого исхода, какъ идти въ свитѣ Ленина (между тт. Тышко и Зиновьевымъ), какъ въ 1903 году у него не оказалось другого исхода, какъ добровольно распять себя между Павловичемъ и Лядовымъ. А переходъ въ большевистскіе подголоски ничего Плеханову не сулитъ, кромѣ безконечнаго конфуза, образцы котораго были уже даны въ томъ же 1903 году.

Свои угрозы Плехановъ осуществилъ. За то, что редакція „Голоса" не удовлетворила его несуразныхъ требованій, онъ мститъ меньшевикамъ, поддерживая представителей противоположнаго теченія, открывъ „ликвидаторство", котораго онъ до тѣхъ поръ не замѣчалъ въ „Голосѣ" и меньшевикахъ вообще. Представители этого другого теченія, хорошо зная цѣну „обращенія" Савла въ Павла, всячески утилизируютъ это обращеніе, чтобы отстоять свои позиціи во внутрипартійной борьбѣ, чтобы задержать свое собственное вынужденное жизнью отступленіе съ этихъ позицій. Но будущее идей такъ называемыхъ меньшевизма и большевизма опредѣляется величинами болѣе постоянными, чѣмъ политическая послѣдовательность и убѣжденность того или другого лидера. Меньшевизмъ — это европейскій соціальдемократизмъ, и его торжество въ русскомъ рабочемъ движеніи обезпечено всѣмъ ходомъ соціальнаго развитія Россіи, непрерывность его развитія обезпечена наличностью прочнаго слоя рабочихъ-марксистовъ, достаточно политически самостоятельныхъ, чтобы не быть смущенными „поворотами" тѣхъ или другихъ „вождей". Тридцатилѣтняя дѣятельность Г. В. Плеханова, какъ пропагандиста марксизма; его пятилѣтняя дѣятельность пропагандиста тактическихъ воззрѣній меньшевиковъ много способствовали выработкѣ такого слоя рабочихъ. Вотъ почему я, чтобы поддержать въ глазахъ Плеханова свою репутацію человѣка всегда и ко всему „снисходительнаго", закончу выраженіемъ нашей общей благодарности Плеханову за то, что онъ помогъ передовымъ русскимъ рабочимъ достичь той ступени, на которой они могутъ позволить себѣ роскошь сознавать себя правыми *„по Марксу"* даже *и противъ Плеханова.*

Л. Мартовъ.

Вынужденное объясненіе

Не спрашивая у меня позволенія, Плехановъ использовалъ въ печати**) одно изъ моихъ писемъ къ нему и къ Р. М. Плехановой по поводу его конфликта съ редакціей „Г. С-Д." изъ-за статьи Потресова — „Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху", — напечатанной въ первомъ томѣ изданія „Общественное Движеніе въ Россіи въ началѣ XX в." Конфликтъ этотъ, приведшій къ разрыву Плеханова съ редакціей „Г. С-Д.", возникъ и разгорѣлся изъ-за предъявленнаго имъ ей категорическаго требованія — постараться помѣшать появленію статьи Потресова въ названномъ изданіи. Обратился онъ къ намъ съ этимъ требованіемъ послѣ того, какъ всѣ статьи 1-го тома, включая и инкриминируемую имъ, были уже отпечатаны и со дня на день ожидался выходъ этого тома въ свѣтъ, — т. е. въ тотъ моментъ, когда устраненіе ея зависѣло уже, главнымъ образомъ, отъ изда-

*) Тоже въ „Дневникѣ".

**) „О моемъ секретѣ", приложеніе къ № 10 „Дневника соціальдемократа".

теля и связано было для него съ задержкой выпуска книги въ свѣтъ, съ матеріальными потерями и разными непріятностями. Слѣдовательно, о томъ, чтобы попытка оказать на Потресова или на его товарищей по редактированію пятитомника требуемое Плехановымъ давленіе имѣла какой нибудь успѣхъ, и думать было нечего.

Кромѣ того, мы и по существу, по соображеніямъ принципіальнаго характера, не могли, не кривя душой и не насилуя своей совѣсти, исполнить его требованіе, ибо оно, на нашъ взглядъ, никоимъ образомъ не оправдывалось недостатками статьи Потресова, поскольку наличность таковыхъ и признавалась нѣкоторыми изъ насъ. Объективнаго оправданія для домогательствъ Плеханова она сама, своимъ содержаніемъ и направленіемъ, не давала. Наконецъ, редакція „Г. С-Д.“, какъ таковая, никакого отношенія къ редактированію „Общественнаго Движенія“ не имѣла и не имѣетъ. Мартовъ и Плехановъ вошли въ составъ этого, совершенно частнаго, легальнаго изданія, не какъ уполномоченные или представители нашей здѣшней литературной коллегіи, а совершенно самостоятельно, какъ отдѣльные индивидуумы, на свой рискъ и страхъ. Плехановъ своевременно получалъ всѣ рукописи и, слѣдовательно, имѣлъ полную возможность предупредить сдачу въ наборъ и въ печать статьи Потресова, или же выйти изъ редакціи. Онъ и вышелъ изъ нея, но только послѣ того, какъ статья, съ его же согласія, на половину уже была отпечатана. Какъ бы то ни было, послѣ разрыва его съ редакціей „Обществ. Движенія“, требованіе отъ насъ насильственно вмѣшаться въ дѣло, организованное частнымъ лицомъ помимо участія въ немъ редакціи „Г. С-Д., не имѣло никакого разумнаго смысла и сводилось лишь къ тому, что Плехановъ сваливалъ свои собственныя ошибки съ больной головы на здоровую и старался заставить насъ расплачиваться за нихъ цѣной, на которую ни одинъ товарищъ, уважающій свое человѣческое достоинство и дорожащій интересами и честью партіи, — не согласился бы.

На всѣ эти и подобныя соображенія я указывалъ Плеханову устно и въ письмахъ къ нему и Р. М. Плехановой по поводу его домогательствъ отъ редакціи „Г. С-Д.“ Теперь онъ воспользовался однимъ изъ этихъ писемъ, именно тѣмъ, въ которомъ я подчеркивалъ и свое критическое отношеніе къ статьѣ Потресова, воспользовался для того, чтобъ показать, что я будто бы былъ солидаренъ съ его оцѣнкой статьи. Съ этой цѣлью онъ снабдилъ напечатанное имъ письмо комментаріями, истолковывающими его въ смыслѣ, несоотвѣтствующемъ или даже противоположномъ его дѣйствительному содержанію. Это вынуждаетъ и меня освѣтить исторію конфликта Плеханова съ редакціей „Г. С-Д.“; и именно съ той точки зрѣнія, на которой я стоялъ, когда доказывалъ ему необоснованность и невыполнимость его требованія и заранѣе характеризировалъ осуществленіе имъ своей угрозы, — какъ дезорганизаторскій актъ.

Какъ читатель можетъ убѣдиться изъ сообщенія самого Плеханова о своемъ „Секретѣ“, статья Потресова его возмущала тѣмъ, что въ ней, по его мнѣнію, слишкомъ много мѣста и вниманія удѣлено легальной марксистской литературѣ — въ ущербъ нашей нелегальной марксистской прессѣ, или, точнѣе, произведеніямъ Плеханова. Въ этомъ онъ и видѣлъ явное и неопровержимое доказательство того, что Потресовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія „легальнаго марксизма“, ревизіонизма и т. д. Поскольку я могъ судить объ его статьѣ по попавшимъ ко мнѣ въ руки, уже набраннымъ, первымъ главамъ ея и отрывкамъ изъ середины, она и меня въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не удовлетворяла. Мнѣ также казалось, что историческое значеніе теоретической и публицистической дѣятельности Плеханова не получило въ ней достаточно полнаго и яркаго освѣщенія. Одностороннимъ и не совсѣмъ правильнымъ нашелъ я также изображеніе эволюціи идеи пріобрѣтенія нашимъ пролетаріатомъ самостоятельной и руководящей политической роли на аренѣ борьбы со старымъ режимомъ. Но, въ противоположность Плеханову, я источникъ этихъ и подобныхъ имъ недостатковъ статьи видѣлъ не въ принципіальной *точкѣ зрѣнія* автора, а, какъ я писалъ Р. М. Плехановой, въ его „складѣ ума и литературномъ воспитаніи“. Мнѣ всегда казалась, что онъ, по своимъ умственнымъ склонностямъ и вкусамъ, гораздо больше литераторъ, эстетикъ и психологъ, чѣмъ политикъ. На подборъ и освѣщеніе имъ идейнаго матеріала должно было непосредственно вліять и то обстоятельство, что первый періодъ его литературной дѣятельности совпалъ съ періодомъ борьбы легальной марксистской прессы за свое существованіе — съ народниками и съ полицейскими препятствіями. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ передовымъ представителямъ поколѣнія марксистовъ 90-хъ гг., которые взяли на себя иниціативу въ дѣлѣ завоеванія марксизму въ легальной прессѣ арены для широкой пропаганды. Именно ему мы обязаны появленіемъ перваго изданія Бельтова въ легальной печати. Онъ еще въ ссылкѣ жилъ подъ впечатлѣніемъ прошлаго легальнаго марксизма, когда нѣкоторые изъ его представителей, и при томъ изъ наиболѣе видныхъ, уже начали явно поварачивать къ бернштейніанству и затѣмъ прямо къ идеализму и либерализму. И опять-таки, Потресовъ былъ однимъ изъ первыхъ среди марксистскихъ писателей 90-хъ гг., забившихъ тревогу по поводу начавшагося поворота въ легальномъ марксизмѣ. Указывая Плеханову на литературное воспитаніе Потресова, какъ на источникъ возмущавшихъ его недостатковъ статьи, я имѣлъ въ виду отраженіе въ нихъ вліянія на автора статьи именно этихъ обоихъ періодовъ въ его теоретическомъ развитіи и литературной дѣятельности.

Но вѣдь это вліяніе отражалось и въ прежнихъ его работахъ. А потому Плехановъ уже заранѣе могъ или долженъ былъ знать, что оно скажется и на выборѣ литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ Потресовъ будетъ черпать матеріалъ для своей исторической работы, и на „перспективѣ“, въ которой онъ расположитъ этотъ матеріалъ. И если черезмѣрное пристрастіе Потресова къ легальнымъ литературнымъ источникамъ является въ глазахъ Плеханова такимъ смертнымъ грѣхомъ противъ исторіи революціонной мысли, за который его виновникъ заслуживаетъ клейма „струвизма“ (въ смыслѣ приверженности или влеченія къ ревизіонизму и оппортунизму) и титула „господинъ“, то онъ уже при распредѣленіи темъ долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы тема, взятая себѣ Потресовымъ, передана была другому лицу, принципіальная безупречность котораго стояла для него внѣ всякихъ сомнѣній. Но Плехановъ этого не сдѣлалъ даже послѣ „перваго чтенія первой части статьи“, хотя и воскликнулъ при этомъ, что авторъ ея стоитъ на *точкѣ зрѣнія* „легальнаго марксизма“. А между тѣмъ, если онъ серьезно такъ думалъ, то ему слѣдовало даже категорически заявить, что онъ не можетъ оставаться въ ***редакціи*** пятитомника совмѣстно со „струвистомъ“. Вѣдь при первомъ чтеніи первыхъ главъ статьи редакція не была еще окончательно сформирована*), и Плеханову, слѣдовательно, можно было еще тогда, не внося разстройства въ дѣло, настаивать на такомъ составѣ ея, который гарантировалъ бы по его мнѣнію, изданіе отъ внесенія въ него „струвизма“. Но онъ объ этомъ вопросѣ и не заикнулся, а на счетъ статьи Потресова удовлетворился обѣщаніемъ со стороны послѣдняго внести въ нее необходимыя измѣненія. Теперь Плехановъ говоритъ, что „нѣкоторые коррективы“ его не удовлетворили, что они состояли лишь въ томъ, что Потресовъ „надергалъ цитатъ изъ сочиненій членовъ группы „Освоб. Труда“, не умѣя ни понять мысли, заключающіяся въ этихъ цитатахъ, ни расположить ихъ въ надлежащей исторической перспективѣ“**). Однако, съ его же согласія первая часть статьи была сдана въ печать. Непрочно, видно, сидѣлъ духъ Струве въ забракованномъ Плехановымъ первоначальномъ текстѣ, если нѣкотораго количества цитатъ изъ указаннаго источника оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы его присутствія въ статьѣ уже больше не чувствовалось! Должно быть Плехановъ при первомъ чтеніи и самъ чувствовалъ, что его восклицаніе имѣетъ только гиперболическій смыслъ, что оно только выразило силу его негодованія на отсутствіе симпатичныхъ ему „цитатъ“. Только этимъ и можно объяснить и оправдать его согласіе ждать „коррективъ“. Вѣдь свою принципіальную, руководящую точку зрѣнія люди, убѣжденные и уважающіе себя, не мѣняютъ съ сегодня на завтра — хотя бы и по указкѣ архиавторитетнаго лица. И ужъ, конечно, не отъ Потресова Плехановъ могъ ждать внезапнаго скачка къ принципіально противоположной точкѣ зрѣнія.

Но вотъ „пришла“ вторая часть статьи — и Плехановъ „получилъ то же безотрадное впечатлѣніе „легальнаго марксизма“, чуждаго самомалѣйшаго пониманія революціонной постановки вопроса“. Теперь, послѣ того, какъ первая часть статьи, съ его одобренія, уже была набрана, онъ рѣшилъ выйти изъ редакціи пятитомника. Что же именно во второй части статьи производило на него такое „безотрадное впечатлѣніе“? То, что въ ней изъ 56 страницъ, около четырнадцати посвящены повороту легальныхъ марксистовъ къ „идеализму“. „Потресовъ, жалуется Плехановъ, очень подробно излагалъ взгляды „критиковъ“ марксизма, игнорируя при этомъ возраженія писателей изъ лагеря революціонеровъ-марксистовъ“. Имѣя теперь передъ собою всю статью, не трудно убѣдиться въ томъ, что въ этомъ заявленіи Плеханова заключается значительное преувеличеніе. Но и по тѣмъ отрывкамъ, которые я читалъ въ то время, когда она еще не вся была напечатана, я ясно видѣлъ, что „впечатлѣніе“ Плеханова стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ рѣзко критическимъ отношеніемъ Потресова къ антисоціалистическимъ взглядамъ „критиковъ“, проходящимъ красной нитью всюду, гдѣ онъ ихъ касается. Какъ я уже выше отмѣтилъ, если Потресовъ и грѣшитъ черезмѣрнымъ вниманіемъ къ „легальному марксизму“, и не совсѣмъ правильно освѣщаетъ значеніе эволюціи послѣдняго для буржуазной демократіи, то это объясняется впечатлѣніями его литературнаго прошлаго, а отнюдь не тѣмъ, что онъ самъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Струве и Ко или тяготѣетъ къ ней***). А Плехановъ мои указанія на эти впечатлѣнія истолковалъ въ томъ смыслѣ, что я, „уже начиная со статьи «Что случилось?», считалъ Потресова струвистомъ“. — Истолковавъ мое письмо такимъ образомъ, онъ затѣмъ влагаетъ въ уста читателей вопросъ: „Но если такъ, то почему же Вы (т. е. Плехановъ. *П. А.*) съ Аксельродомъ соглашались на напечатаніе предыдущихъ работъ Потресова?“

„П. Б. Аксельродъ пусть отвѣчаетъ самъ за себя.“

Я беру на себя смѣлость отвѣтить не только за себя, но и за самаго Плеханова. Въ нашихъ головахъ и вопроса о „согласіи на

---

*) Оно происходило въ засѣданіи „предполагавшейся“ (курсивъ мой) редакціи.

**) Коррективы эти, говоритъ Плехановъ, ссылаясь на мое письмо, „не удовлетворяли также и П. Б. Аксельрода, который, впрочемъ, теперь принялъ совершенно удовлетворенный видъ („все течетъ, все измѣняется“ — сказалъ греческій мыслитель)“. Но какъ я могъ быть довольнымъ или недовольнымъ какими бы то ни было „коррективами“, когда я той части статьи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, въ первоначальномъ текстѣ, даже не видалъ? Если меня эта часть статьи и послѣ сдѣланныхъ въ ней измѣненій не совсѣмъ удовлетворяла, то безъ всякаго отношенія къ „коррективамъ“, о которыхъ я конкретнаго представленія имѣть не могъ. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ, откуда Плехановъ знаетъ что я „теперь принялъ совершенно удовлетворенный видъ“? Изъ того, что я не поднималъ неистоваго шума въ печати? Но я съ самаго начала считалъ шумъ, поднятый Плехановымъ изъ-за статьи Потресова, непозволительной роскошью, о чемъ писалъ ему неоднократно.

***) Это я подчеркивалъ въ письмѣ къ Р. М. Плехановой, напечатанномъ въ брошюрѣ „О моемъ секретѣ“. Теперь же я долженъ прибавить, что мѣсто, отведенное Потресовымъ легальному марксизму въ изображеніи „идейной эволюціи нашего движенія“, въ большей или меньшей степени и объективно объясняется крупной ролью легальной марксистской литературы въ этой эволюціи, во-первыхъ, а, во вторыхъ, важнымъ значеніемъ поворота ея главныхъ представителей къ идеализму, какъ показателя и въ то же время, какъ отраженія эволюціи въ настроеніи и стремленіяхъ нѣкоторыхъ элементовъ демократической интеллигенціи, до того прямо или косвенно симпатизировавшихъ и поддерживавшихъ наше соціальдемократическое движеніе.

напечатаніе предыдущихъ работъ“ Потресова изъ-за ихъ яко бы струвистскаго направленія не могло возникнуть — по той простой причинѣ, что мы сознавали себя приципіально столь же солидарными съ нимъ, какъ со всѣми другими членами редакціи „Искры“ и „Зари“, и его антиструвизмъ былъ для насъ въ такой же мѣрѣ внѣ всякихъ сомнѣній, какъ и ихъ. Да и какъ могло зародиться въ насъ хотя бы только подозрѣніе въ симпатіяхъ къ взглядамъ и тенденціямъ Струве по отношенію къ товарищу, который, тотчасъ по возвращеніи изъ ссылки въ 1900 г., пріѣхалъ заграницу спеціально затѣмъ, чтобы, вмѣстѣ съ Ленинымъ и Мартовымъ, сообща съ группой „Освоб. Тр.“, издавать газету „Искра“ и журналъ „Заря“, которые ставили себѣ одной изъ главныхъ задачъ борьбу противъ увлеченія „модной критикой марксизма“ и „бернштейніадой“? Никто иной, какъ Потресовъ, написалъ обращеніе „къ читателямъ“ по поводу выпуска первой книжки „Заря“ (въ апрѣлѣ 1901 г.). И въ этомъ обращеніи онъ писалъ: „Подцензурный русскій марксизмъ скончался, переживъ себя — миръ праху его и да здравствуетъ свободная мысль революціонной соціальдемократіи“! И тамъ же:... „на русскаго соціальдемократа-писателя все повелительнѣе надвигается задача осмысливать каждый шагъ въ поступательномъ ходѣ движенія ... и, ведя безпощадную борьбу съ представителями современнаго „критицизма“, будитъ теоретическую мысль“...

Наконецъ, центральнымъ пунктомъ его статьи „Что случилось?“ является опять-таки ничто иное, какъ „борьба съ представителями „легальнаго марксизма», который „все болѣе и болѣе приспособляясь къ психологическому складу либеральной демократіи, постепенно переходитъ въ ея монопольное владѣніе“. Этому, безусловно критическому, взгляду на характеръ и тенденціи эволюціи „легальнаго марксизма“ Потресовъ нигдѣ и никогда, ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не измѣнилъ. Остался онъ ему вѣренъ и въ статьѣ, инкриминируемой Плехановымъ, который теперь, только заднимъ числомъ, „ретроспективно“, объявилъ его исконнымъ „струвистомъ“. Потому то онъ съ такимъ раздраженіемъ вспоминаетъ, что Мартовъ донималъ его просьбами указать, какія именно „мысли, выражаемыя Потресовымъ въ данной статьѣ, побудили его „къ разрыву съ Потресовымъ“ и характеризуютъ ее, какъ пропитанную духомъ „струвизма“. Оказывается, такихъ мыслей въ статьѣ, въ дѣйствительности, совсѣмъ не имѣется. По признанію самаго Плеханова, Потресовъ «не отстаивалъ ни одного изъ положеній, болѣе или менѣе общепризнанныхъ между гг. критиками Маркса и идущихъ въ разрѣзъ» съ нашими основными воззрѣніями. Но за то у Потресова подозрительное или прямо еретическое «*настроеніе*», ибо онъ де принадлежитъ къ особой породѣ людей: «имѣя дѣло съ такими людьми, приходится считаться ... съ ихъ настроеніями». А хитрый Мартовъ вздумалъ предъявить Плеханову *коварное* (курсивъ мой) требованіе указать его (Потресова) еретическія «мысли». Онъ понималъ, что это *невозможно*» (курсивъ мой).

Теперь читатель самъ видитъ, что не точка зрѣнія Потресова, не антимарксистскіе взгляды, хотя бы и неопредѣленно выраженные въ статьѣ, послужили причиной осужденія ея Плехановымъ и награжденія имъ Потресова титуломъ „господинъ“. Подозрительное или просто непріятное Плеханову „настроеніе“ Потресова — вотъ что побудило Плеханова разорвать не только съ нимъ, но и со своими единомышленниками — членами редакціи «Г. С-Д.», не пожелавшими унизиться до роли угодливыхъ лакеевъ или придворныхъ льстецовъ изъ прославленной Шекспиромъ породы — Полоніевъ. Въ предупрежденіе того зла, которое «струвистское» (?) настроеніе Потресова, быть можетъ, въ будущемъ породитъ, Плехановъ открылъ военную кампанію противъ нелегальной литературной меньшевистской группы, борящейся,—тоже въ цѣляхъ преодолѣнія *возможнаго* въ будущемъ зла, — съ тѣмъ *реальнымъ* зломъ, которое вотъ уже столько лѣтъ не только дезорганизуетъ, но, какъ злокачественная язва, разъѣдаетъ и внутренне разлагаетъ нашу партію.

Извѣстно, какими средствами Ленинъ одержалъ на первомъ Лондонскомъ съѣздѣ побѣду надъ тѣми элементами партіи, которые потомъ сложились въ меньшевистскую фракцію. При помощи бонапартистско-нечаевскихъ пріемовъ онъ побѣдилъ оппозицію и обезпечилъ себѣ на нѣкоторое время оффиціальное господство въ партіи. Тѣми же средствами онъ и его клеверты продолжали борьбу за упроченіе своего господства. Но эти методы кружковой борьбы уже въ предъ-революціонные годы только очень условно, съ большими оговорками, можно было называть нечаевскими. Въ пользу Нечаева можно было бы сослаться на такія «смягчающія вину обстоятельства», какъ зародышевый характеръ революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ, отсутствіе тогда даже подобія организованной революціонной партіи и его собственное примитивное теоретическое и политическое развитіе. Для членовъ же партіи, сложившейся подъ идейнымъ знаменемъ марксизма, борющейся подъ флагомъ международной соц.-демократіи и дѣйствующей въ атмосферѣ нашего революціоннаго рабочаго движенія, даже такого оправданія нѣтъ и быть не можетъ.

Потому то я и говорю, что способы борьбы большевистскаго центра съ товарищами-противниками уже въ годы, слѣдовавшіе за первымъ Лондонскимъ съѣздомъ, въ сущности не заслуживали даже названія нечаевскихъ. Въ послѣдніе же годы практика фракціонной борьбы большевистскихъ вождей приняла уже просто на просто совсѣмъ черносотенно-хулиганскій характеръ.

Не въ принципіальныхъ или хотя бы только тактическихъ разногласіяхъ внутри партіи заключается главное препятствіе къ возстановленію мира въ ней и поднятію ея работоспособности. Оно заключается въ антипартійныхъ уголовно-преступнаго характера средствахъ, примѣняемыхъ большевиками въ борьбѣ съ оппозиціонными элементами за охрану своего господства въ партіи. Къ великому прискорбію приходится констатировать тотъ

печальный фактъ, что многіе товарищи съ такой же пассивностью, а подчасъ и съ такой же терпимостью относятся къ нашей партійной хулиганской нечаевщинѣ, съ какой октябристы относятся къ черносотенно-хулиганской системѣ борьбы правительства съ оппозиціонными элементами, во имя «порядка», «безопасности» и «охраны законовъ». Наше партійное общественное мнѣніе еще такъ мало развито, чувство и сознаніе своей политической отвѣтственности такъ еще слабы въ нашихъ рядахъ, что самыя отвратительныя проявленія политическаго варварства въ партіи на почвѣ кружковой или даже личной борьбы за власть не вызываютъ возмущенія и отпора. И съ кротостью октябриста Капустина товарищи предаются ликованію и кричатъ ура, какъ только большевистское правительство, очутившись въ затруднительномъ положеніи, съ искренностью іудушекъ Столыпина и Меньшикова, издаютъ кличъ къ прекращенію фракціонной борьбы и возстановленію единенія въ партіи. Когда же нѣкоторые представители меньшевизма, болѣе дальновидные и менѣе равнодушные къ деморализаціи, вносимой въ партію хулиганствомъ большевистскихъ вожаковъ, стараются добиться прочной ликвидаціи водвореннаго послѣдними въ партіи режима, вмѣсто того, чтобы слѣпо ликовать по поводу ихъ лицемѣрныхъ призывовъ къ объединенію и „партійности“, то наивныя октябристскія души въ нашемъ лагерѣ, съ простодушіемъ старушки, подбросившей вязанку дровъ на костеръ Іоанна Гусса, кричатъ: «распните ихъ, вонъ ликвидаторовъ изъ партіи!»

Вотъ та язва, которая главнымъ образомъ мѣшаетъ нашей партіи вступить на путь оздоровленія. Противъ этой язвы должны бороться всѣ тѣ товарищи, которые проникнуты искреннимъ и горячимъ стремленіемъ къ ея возрожденію.

Теоретическій глава русской соціальдемократіи, конечно, долженъ былъ бы стоять во главѣ тѣхъ, которые ведутъ эту борьбу. Вѣдь „терпимое“ отношеніе къ хулиганской нечаевщинѣ въ Р. С. Д. Р. П. должно бы въ глазахъ Плеханова являться въ гораздо большей степени равносильнымъ его „политическому самоубійству“, чѣмъ такое же терпимое отношеніе къ подозрительному (для него) «настроенію» Потресова. Но онъ поглощенъ борьбою съ опаснымъ настроеніемъ Потресова. А между тѣмъ, редакція «Г. С.-Д.» «смѣетъ свое сужденіе имѣть», не раздѣляетъ его страха передъ этимъ воображаемымъ настроеніемъ, испытаннаго въ вѣрности своему старому знамени, писателя, и борется съ другими, подлинными, реальными ликвидаторами партіи. И чтобы наказать должнымъ образомъ своихъ неугодливыхъ единомышленниковъ (по крайней мѣрѣ, до ссоры изъ-за Потресова единомышленниковъ), Плехановъ бросился на шею этимъ дѣйствительнымъ ликвидаторамъ и, совмѣстно съ ними, открываетъ кампанію противъ тѣхъ, кто съ самаго I-го Лондонскаго съѣзда не переставали бороться за культурные способы веденія внутри-партійныхъ споровъ, за водвореніе въ ней нравовъ, господствующихъ во внутрипартійныхъ отношеніяхъ западной с.-д.-тіи. Уже на этомъ съѣздѣ Плехановъ потащился за Ленинымъ; но скоро увидѣлъ, въ какое топкое и отвратительное болото большевики его затащили и, сдѣлавъ усиліе надъ собою, онъ скоро выскочилъ изъ него. Опомнится ли онъ и на этотъ разъ? почувствуетъ ли, наконецъ, отвѣтственность за то ужасное зло, за то *дѣйствительное ликвидаторство*, которое онъ, рука объ руку съ нашими партійными Думбадзе-Толмачевыми, производитъ своей войной противъ меньшевиковъ, отстаивающихъ интересы новаго, нарождающагося фазиса русскаго рабочаго движенія?

Я горячо желаю, чтобы это произошло возможно скорѣе — въ интересахъ русской соціальдемократіи и во славу самого Плеханова. Кому природой и обстоятельствами много дано, кому, по праву, пришлось занять такое отвѣтственное положеніе въ партіи, какъ Плехановъ, съ того много и требуется и много взыщется. Въ данный же моментъ отъ него требуется очень немногое: не давать развращающаго примѣра «терпимаго отношенія» къ дѣйствіямъ, которыя не только поддерживаютъ въ партіи фракціонную борьбу, не только обезсиливаютъ ее и мѣшаютъ ей исполнять свои очередныя, положительныя задачи, но прямо разлагаютъ и дискредитируютъ ее. А на худой конецъ можно было бы удовлетвориться хоть воздержаніемъ Плеханова отъ активнаго участія въ томъ охранительно-ликвидаторскомъ походѣ, который большевистскій центръ съ удвоенной энергіей открылъ послѣ «объединительныхъ» засѣданій пленума.

П. Б. Аксельродъ.

P. S. Въ своей перепискѣ съ Плехановымъ и Р. М. Плехановой я заранѣе указывалъ на дезорганизаторскій характеръ выступленія Г. В. Плеханова изъ редакціи «Г. С-Д.», которымъ онъ грозилъ намъ, въ случаѣ если мы откажемся оказать требуемое имъ давленіе на Потресова. Но я все таки не ожидалъ, что Плехановъ самъ возьметъ на себя иниціативу въ дѣлѣ использованія своего разрыва съ нами, какъ исходнаго пункта для внесенія новой смуты въ ряды партіи, для усиленія хаоса, и безъ того достаточно радикально губящаго ее. И ужъ, конечно, мнѣ въ голову не могло придти, что Плехановъ, для сведенія своихъ личныхъ счетовъ съ Потресовымъ и редакціей «Г. С-Д.», использует въ печати подходящій для этого *отрывокъ* изъ моей переписки съ Р. М. Плехановой и съ нимъ. Въ виду моей двадцатипятилѣтней близости — не только оффиціальной, партійной, но и личной — къ нему и его семьѣ, мнѣ незачѣмъ было въ письмахъ къ нему или къ Р. М. Плехановой взвѣшивать каждое слово и заботиться о томъ, чтобы мои бѣглыя и отрывочныя замѣчанія не вызвали недоразумѣнія и не были ложно поняты. Я бы покраснѣлъ отъ стыда, если бы у меня въ головѣ хотя на мгновеніе мелькнуло опасеніе, что столь старый и близкій мнѣ товарищъ, какъ Плехановъ, можетъ пустить эти замѣчанія въ обращеніе среди читателей, которые уже потому могутъ превратно понять ихъ, что не имѣютъ понятія о содержаніи *всей* переписки и не знакомы съ

обстоятельствами, вызвавшими ее. Какой примѣръ вопіющаго злоупотребленія товарищескимъ довѣріемъ! Пусть Плехановъ попытается только осмысленно представить себѣ, какіе нравы, какой духъ воцарились бы въ нашей партійной средѣ, если бы его примѣру послѣдовали всѣ товарищи

П. А.

На судъ тт. меньшевиковъ*)

Въ своемъ письмѣ къ Мартову, опубликованномъ въ № 16-17 „Голоса Соціальдемократа", я писалъ, что Плехановъ, порвавшій изъ-за вопроса о моей статьѣ въ 1-мъ томѣ „Общественнаго Движенія" съ редакціей единственнаго у насъ меньшевистскаго органа и сдѣлавшій вопросъ о статьѣ „исходнымъ пунктомъ партійно-политическаго расхожденія" съ меньшевиками, тѣмъ самымъ принялъ на себя обязательство вскрыть ересь инкриминированной статьи, разобравшись по существу въ ея конкретномъ содержаніи. И тогда же, по поводу его перваго выпада противъ меня въ „Дневникѣ", мнѣ уже приходилось съ удивленіемъ констатировать: въ его выпадѣ заключался цѣлый рядъ замѣчаній, направленныхъ лично противъ меня, въ родѣ тѣхъ, напр., что я совершенно потерялъ способность смотрѣть на общественную жизнь глазами революціонера, что я уже на Мангеймскомъ съѣздѣ германской соціальдемократіи въ бесѣдѣ съ нимъ высказывалъ криминальныя мысли, что я „ликвидаторъ", но, прибавлялъ я, „не было ни одного аргумента, который бы приводилъ въ связь всю эту милую аттестацію Плехановымъ meiner Wenigkeit съ доподлиннымъ содержаніемъ статьи, изъ-за которой загорѣлся сыръ-боръ".

И тогда же являлось невольное предположеніе, что „Секретъ" Плеханова скрываетъ въ себѣ одну только пустопорожность его нападенія, а не относящіяся къ дѣлу личныя квалификаціи фигурируютъ въ качествѣ диверсіи, предназначенной отвлекать вниманіе читателя отъ этого непріятнаго для Плеханова обстоятельства.

Теперь съ появленіемъ въ свѣтъ брошюры, написанной Плехановымъ въ отвѣтъ на письмо мое къ Мартову, предположеніе превратилось въ твердую увѣренность и до наглядности очевидной стала вся „хитрая механика" обходныхъ путей, всѣ эти усилія передвинуть вопросъ, подмѣнивъ объектъ обсужденія.

Казалось бы, что можетъ быть яснѣе и опредѣленнѣе въ упоръ поставленнаго Плеханову требованія: на конкретномъ матеріалѣ статьи, не уклоняясь въ сторону, показать, какія ошибочныя оцѣнки, сужденія и выводы статьи, слагаясь въ зловредный еретическій итогъ, оправдываютъ поднятый имъ крикъ на всю партію и придаютъ этому крику принципіальность. Казалось бы! Но понятное всякому — непонятно Плеханову, ибо это ему невыгодно понимать. И Плехановъ „не понимаетъ", о какомъ «секретѣ» его спрашиваютъ? «Секретъ» выдуманъ мною, «секрета» нѣтъ и не было, такъ какъ, де, съ самаго начала «исторіи» было ясно, въ чемъ дѣло: вѣдь, онъ же заявилъ свою претензію на то, что я много говорю о «легальномъ марксизмѣ», подробно излагаю эволюцію отъ марксизма къ идеализму, и недостаточно посвящаю страницъ марксизму нелегальному и его возраженіямъ на бернштейніанскую аргументацію. Вѣдь, онъ же, наконецъ, своевременно обозвалъ меня «легальнымъ марксистомъ», о чемъ было извѣстно и мнѣ, и другимъ моимъ коллегамъ по редакціи. Чего же отъ него еще требуютъ?

Перечитайте внимательно, читатель, всѣ тридцать страницъ брошюры Плеханова и вы — по существу статьи — не найдете въ брошюрѣ ничего, кромѣ этой притворной наивности..

«Легальный марксистъ» — декретируетъ Плехановъ. «Кадетскій подголосокъ» — заявляли недавно еще большевики, говоря о Плехановѣ. Одна квалификація стоитъ другой — и по отсутствію въ ней какого-либо содержанія и по своимъ претензіямъ служить суррогатомъ доказательства.

«Легальный марксистъ»! Но позвольте спросить, что такое «легальный марксистъ»? Въ половинѣ 90-хъ годовъ таковымъ былъ Струве, но таковымъ же являлся и Плехановъ во образѣ Бельтова, Волгина, Ушакова, Каменскаго, Кирсанова; Плехановъ, который въ теченіе всей второй половины 90-хъ годовъ свелъ почти къ совершенному нулю свою «нелегальную» литературную дѣятельность.

Конечно, тутъ умыселъ другой; конечно, въ этой расплывчатой, но въ то же время въ устахъ Плеханова бранной квалификаціи скрыть болѣе или менѣе явный кивокъ на счетъ моего «бернштейніанства». «Легальный марксизмъ»—читай бернштейніанство, это, по крайней мѣрѣ, хоть на что-нибудь похоже, это имѣетъ хоть подобіе смысла. Но при этомъ возникаетъ другая бѣда и бѣда горькая: вѣдь, бернштейніанство — не «легальный марксизмъ», которымъ удобно бросаться, какъ мячикомъ, благо въ немъ ничего не содержится. У бернштейніанства есть свое содержаніе и это то криминальное содержаніе и приходится теперь проявлять, обнаруживать: взять статью и найти въ ней бернштейніанскіе взгляды, т. е. другими словами — пожалуйста, разоблачайте „секретъ", открывайте преступную ересь! Не стѣсняйтесь! Avancez! Avancez toujours!

Но... вотъ тутъ то и слѣдуетъ заковыка! Никакого «авансированія» нѣтъ, наоборотъ — есть отказъ отъ всякаго «авансированія», отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ попытокъ проникнуть въ бернштейніанскую суть подлежащей обсужденію статьи.

Мартовъ, говоритъ Плехановъ, потому и предъявляетъ ему — Плеханову — «коварное требованіе указать еретическія мысли» (стр. 12) въ статьѣ Потресова, что знаетъ хорошо, „что это невозможно". Вѣдь, у Потресова вообще нѣтъ мыслей, а, слѣдовательно, и еретическихъ мыслей.

Bien! Но если это такъ, то изъ-за чего же было огородъ городить, и кричать на всю партію, и выходить изъ состава двухъ редакцій, и грозить меньшевикамъ своимъ разрывомъ, и чинить фракціонный расколъ? А видите ли, изъ-за «полумыслей» Потресова, изъ-за его — «настроенія». Настроеніе же у Потресова зловредное — «легалистское». Но откуда же слѣдуетъ, что у Потресова, дѣйствительно, «легалистское» настроеніе? Тутъ вмѣсто отвѣта Плехановъ хватаетъ аршинъ и начинаетъ отмѣривать: столько-то страницъ въ статьѣ отведено легальному марксизму, и столько-то — нелегальному, столько-то ревизіонистскимъ взглядамъ г. Струве и столько-то ортодоксально-марксистскимъ Плеханова и другихъ. И на чьей сторонѣ перевѣсъ, гдѣ больше страницъ, на той и симпатіи Потресова. Развѣ это неубѣдительно? И неужели нужны еще какія-нибудь другія доказательства?

Итакъ — аршинъ, какъ оружіе критики, какъ неотразимый приборъ для обнаруженія ереси, — невѣроятно, но фактъ! Какъ невѣроятнымъ казалось, но, дѣйствительно, было сдѣлано Плехановымъ и теперь повторено въ брошюрѣ сравненіе меня съ тѣми средневѣковыми богословами, которые «подробно излагали мнѣнія еретиковъ, но становились лаконичными и невразумительными, какъ только принимались за опроверженіе этихъ мнѣній" (стр. 8)

Поставленный лицомъ къ лицу съ этой инсинуаціей, я въ свое время заявилъ, что порываю всѣ сношенія съ Плехановымъ, — хотя порою мнѣ просто хотѣлось посовѣтовать ему пойти полечиться. Но я тѣмъ не менѣе думалъ: за этими прелиминаріями послѣдуетъ, наконецъ, и серьезъ, который долженъ же быть у этого потерявшаго равновѣсіе человѣка. Теперь то я знаю, что это было съ моей стороны не больше, какъ наивностью, что у Плеханова иныхъ аргументовъ нѣтъ про запасъ и что онъ, дѣйствительно, «не секретничаетъ», а выкладываетъ все, что имѣетъ, и не вина его, если у него ничего нѣтъ, кромѣ этого злополучнаго «аршина». Разумѣется, спорить на тему объ «аршинѣ» — задача безплодная и малоинтересная, и если я коснусь ея, то только потому, что у читателя можетъ все же подняться вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ и почему такъ много мѣста удѣлено въ моей работѣ легальной марксистской литературѣ на счетъ нелегальной и возраженіямъ бернштейніанцевъ въ ущербъ взглядамъ ортодоксальныхъ марксистовъ.

Правда, я много говорю о легальной марксистской литературѣ *второй половины 90-хъ годовъ* (568-584*), но я еще больше говорю о нелегальной литературѣ марксизма *періода 900-хъ годовъ* (603-630), И если въ первомъ случаѣ мое вниманіе концентрируетъ на себѣ легальная журналистика, «Новое Слово» и «Начало» какъ и легальныя произведенія Струве и Плеханова-Бельтова, то во второмъ — я оперирую исключительно съ литературой нелегальной, съ номерами «Искры» и «Зари».

Въ томъ то и дѣло, что легально-марксистская литература второй половины 90-хъ годъ играла ту роль въ общественномъ движеніи вообще и въ частности въ движеніи соціальдемократическомъ, какой ни раньше, ни позже — по крайней мѣрѣ, въ дореволюціонную эпоху — не играла легальная литература марксизма. Это была пестрая роль, если можно такъ выразиться, разносоставнаго значенія, на которой скрестились и буржуазно-демократическія вліянія, и вліянія революціонно-марксистскія. Но это была роль огромная, преобладающая, передъ которой стушевалась въ то время сошедшая почти совершенно на нѣтъ литература нелегальная, литература эмигрантская.

Прошу помнить читателя — какъ я уже раньше отмѣтилъ, Плехановъ тогда avec armes et bagages перекочевалъ въ легальную литературу, туда же перешла и Вѣра Засуличъ, къ легальной или полу-легальной литературѣ относятся и главнѣйшія произведенія того времени Тулина-Ильина**). За предѣлами литературы легальной оставались — стачечныя прокламаціи, брошюры по спеціальнымъ вопросамъ, какъ, напр., брошюра о штрафахъ и, наконецъ, женевскій „Работникъ", въ которомъ писали П. Б. Аксельродъ и Д. Кольцовъ, но который только въ двухъ-трехъ статьяхъ Аксельрода выходилъ изъ рамокъ популярно-пропагандистскаго органа, къ тому же съ весьма ограниченнымъ распространеніемъ. Текущіе запросы соціалдемократическаго движенія получили свое выраженіе едва ли не въ одной брошюрѣ „Объ агитаціи". Только уже къ самому концу этого періода появляются такія произведенія, какъ „Задачи русскихъ соціалдемократовъ" и „Современная Россія". До тѣхъ же поръ одинъ П. Б. Аксельродъ дискутировалъ общія задачи соціалдемократическаго движенія въ своихъ двухъ статьяхъ-брошюрахъ, которыя *впослѣдствіи* были учтены соціал-демократической мыслью, но которыя въ то время оставались неоцѣненными и какъ бы внѣ сферы тогдашняго общественнаго движенія.

На авансценѣ стояли вопросы, которые могли находить свое разрѣшеніе и, дѣйствительно, его находили, въ литературѣ легальной. И до тѣхъ поръ пока это оставалось неизмѣннымъ, пока очередными были борьба съ народничествомъ и пропаганда общихъ идей историческаго матеріализма, какъ она производилась, напр., въ книгѣ Бельтова или въ отдѣльныхъ статьяхъ журнала «Новое Слово», пока соціалдемократическое движеніе не выходило еще изъ своего первоначальнаго неразвитого состоянія, и не выдвинуло новыхъ задачъ, въ частности задачъ партійнаго строительства и борьбы съ бернштейніанствомъ, до тѣхъ поръ «легальный марксизмъ"—и никто другой — былъ властителемъ думъ

*) Тов. Потресовъ написалъ обращеніе къ „суду меньшевиковъ". Мы считаемъ нужнымъ опубликовать здѣсь это обращеніе.

*) Сюда еще можно съ натяжкой прибавить 2-3 первыхъ страницы главы „Отъ марксизма къ идеализму".

**) Я имѣю въ виду статью Тулина въ сборникѣ „Матеріалы къ исторіи нашего хозяйств. развитія", сожженномъ цензурой, но тѣмъ не менѣе получившемъ широкое распространеніе.

цѣлаго поколѣнія не только буржуазныхъ демократовъ, но и самыхъ подлинныхъ марксистовъ-социалдемократовъ.

Но какъ только эти новыя задачи и эта новая борьба стали въ центрѣ вниманія марксистовъ, такъ положеніе измѣнилось самымъ кореннымъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ: въ двухлѣтіе съ 1899 и по 1901 гг. быстро разложился прежній комплексъ «легальнаго марксизма» и столь же быстро выдвинулась нелегальная литература, которая одна только могла теперь удовлетворять основнымъ и насущнымъ задачамъ соціалдемократическаго движенія.

И соотвѣтственно этому столь же рѣшительно передвигается и центръ моего изложенія: отъ легальной литературы къ нелегальной, отъ Бельтова, Струве и журнальныхъ статей нашихъ толстыхъ ежемѣсячниковъ — къ «Объявленію» Группы Освобожденія Труда о возобновленіи своей дѣятельности, къ Vademecum'у Плеханова, къ его борьбѣ съ экономизмомъ и бернштейніанствомъ, къ революціоннымъ соціалдемократическимъ «Искрѣ» и «Зарѣ». При этомъ легально-марксистская литература 900-хъ годовъ остается еще болѣе въ сторонѣ отъ моего изложенія, чѣмъ это было съ литературой нелегальной для періода второй половины 90-хъ годовъ, литературой, которую мнѣ все таки приходилось затрагивать при выясненіи руководящихъ мотивовъ въ тогдашнемъ марксистскомъ движеніи.

Теперь читатель, надѣюсь, пойметъ, чѣмъ я руководствовался при выборѣ своего историческаго матеріала. Я для каждаго изъ разбираемыхъ мною періодовъ дореволюціонной эпохи сосредоточивалъ свое изложеніе на центральныхъ явленіяхъ, непосредственно связанныхъ съ общественнымъ движеніемъ, отражавшихъ его и, въ свою очередь, на немъ отражавшихся. Читатель тѣмъ болѣе пойметъ, если приметъ во вниманіе, что я писалъ не исторію общественно-исторической мысли въ ея цѣломъ, а исторію этой мысли въ ея отношеніи къ общественному движенію эпохи— исторію общественно-политической мысли, какъ отдѣльную главу изъ этого движенія. А понявъ это, онъ безъ труда пойметъ и остальное: пойметъ и то, напр., почему я разсматривалъ идейную работу Группы Освобожденія Труда за періодъ съ 83 и по начало 90-хъ годовъ, не какъ составную органическую часть періода общественнаго движенія, датируемаго много лишь съ начала 90-хъ годовъ, а только какъ идейное наслѣдство, доставшееся этому періоду и имъ по частямъ воспринимавшееся. Пойметъ и мою сравнительно продолжительную остановку на эволюціи отъ марксизма къ идеализму, которая съ моей точки зрѣнія представляетъ выдающійся интересъ, какъ чрезвычайно показательный примѣръ стремительной метаморфозы идей подъ вліяніемъ наступившей дифференціаціи общественныхъ силъ. И нужно быть воистину очень наивнымъ человѣкомъ или же критикомъ à la Плехановъ, чтобы въ моемъ подробномъ изложеніи этой эволюціи, несмотря на мою совершенно опредѣленную характеристику ея лейтмотивовъ и ея общественно-политическаго содержанія, видѣть— соблазнительную картинку, передъ которой не устоять читателю.

А въ непосредственной зависимости отъ этихъ соблазновъ стоитъ и пущенная въ ходъ Плехановымъ сказка о томъ, будто я не далъ достаточно мѣста анти-бернштейновской аргументаціи марксистовъ, и въ частности его,—Плеханова.

Единственное, однако, относящееся сюда конкретное указаніе въ брошюрѣ Плеханова гласитъ: «г. Потресовъ... очень подробно излагалъ тѣ, будто бы, критическія соображенія, которыя выдвигались противъ «ортодоксальнаго» марксизма г. Струве и Ко, что же касается отвѣтовъ ортодоксальныхъ марксистовъ на эти соображенія, то нашъ невѣроятный историкъ ограничился тѣмъ лаконическимъ замѣчаніемъ, что Плехановъ съ цифрами въ рукахъ опровергъ». И Плехановъ еще добавляетъ: «такъ какъ я читалъ эту часть статьи 15 мѣсяцевъ тому назадъ, то я, конечно, не могу поручиться за выраженія, но за мысль (смыслъ) и, главное, за смѣха достойный лаконизмъ, я ручаюсь» (стр. 7—8).

Читатель! Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, I-й томъ «Общественнаго Движенія», прочтите тамъ инкриминированную статью съ начала и до конца и вы въ ней не найдете и *подобія* того, за что вамъ «ручается» Плехановъ. «Смѣха подобный лаконизмъ»—съ одной стороны,—«очень подробное изложеніе» «будто бы критическихъ соображеній» противъ ортодоксальныхъ марксистовъ г. Струве и Ко—съ другой—увѣряетъ Плехановъ. А въ дѣйствительности— одна единственная страница, отданная «критическимъ соображеніямъ» г. Стрრве въ Брауновскомъ архивѣ—ибо на всемъ остальномъ протяженіи главы «отъ марксизма къ идеализму» я нигдѣ не занимаюсь сколько-нибудь „подробнымъ изложеніемъ“ аргументаціи критиковъ противъ ортодоксальнаго марксизма. Я занимаюсь совершенно другимъ — я стараюсь прослѣдить механику того перелома во взглядахъ извѣстной части буржуазно-демократической интеллигенціи, который стоялъ въ непосредственной связи — какъ я уже отмѣтилъ — съ дальнѣйшимъ разслоеніемъ общественнаго движенія. Одна единственная страница (стр. 588)— и ей соотвѣтствуютъ тѣ двѣ страницы (стр. 608—610) возраженій Плеханова, которыя находятся въ главѣ, посвященной періоду «Искры» и «Зари» и которыя составляютъ неотъемлемую часть именно этого періода консолидаціи русскаго революціоннаго марксизма. За что же, спрашивается, цѣплялся Плехановъ, совершая этотъ свой lapsus? А видите ли, за двѣ строчки моего черновика, устраненныя мною безъ всякаго содѣйствія Плеханова: эти двѣ строчки, отмѣчающія, что Плехановъ съ цифрами въ рукахъ опровергъ Струве, были вкраплены въ главу „отъ марксизма къ идеализму“. Какъ совершенно излишнія въ этомъ контекстѣ, я выбросилъ ихъ, имѣя въ виду, что въ послѣдней главѣ, тогда уже мною написанной, имѣется соотвѣтственное изложеніе аргументаціи Плеханова. Но... прежде, чѣмъ послѣдняя глава успѣла дойти до Плеханова (рукопись посылась по частямъ) Плехановъ уже, фигурально выражаясь, бился въ истерикѣ...

Я чувствую, конечно, что меня могутъ упрекнуть, зачѣмъ я касаюсь этихъ мелочей, недостойныхъ возраженія. Увы! я вынужденъ былъ остановиться на этомъ эпизодѣ, ибо въ одномъ этомъ эпизодѣ Плехановъ измѣняетъ своей обычной голословности и становится какъ будто бы на почву фактическихъ подробностей. Въ результатѣ же передъ нами только большой и смѣшной пуффъ! Такимъ образомъ, даже пресловутый «аршинъ» измѣнилъ Плеханову.

Резюмирую: пріемы моего историческаго изложенія можно, разумѣется, оспаривать, считать ихъ нецѣлесообразными, приводящими къ плохимъ результатамъ; можно статью мою вообще находить болѣе или менѣе неудавшейся, можно въ этомъ смыслѣ привести не два или три отрыва изъ частной переписки, а — допустимъ — цѣлый десятокъ, одного только сдѣлать невозможно: нельзя — подчеркиваю — нѣтъ рѣшительно никакой, ни логической, ни психологической возможности для *добросовѣстнаго* критика подсовывать мнѣ «легализмъ».

И самъ Плехановъ, конечно, понимаетъ всю невозможность своего положенія въ качествѣ изобличителя моего «легализма» по даннымъ статьи въ «Обществ. Движеніи». Потому-то онъ и старается наворотить въ этотъ споръ какъ можно больше сторонняго предмету статьи матеріала, потому и спекулируетъ на мой, якобы, «легализмъ» въ вопросахъ практическаго движенія и въ этомъ «легализмѣ» ищетъ себѣ подпоры во-внѣ. Легализмъ, де, въ статьѣ только отраженіе легализма на практикѣ...

Но вотъ гдѣ фатальность: чтобъ «выявить» этотъ «легализмъ» Плеханову, очевидно, невозможно сослаться ни на статьи, которыя я въ разное время писалъ, ни на рѣчи, которыя я говорилъ, ни даже на разговоры, которые я велъ въ присутствіи товарищей. Нѣтъ—онъ всецѣло и исключительно упирается въ свои tête-à-tête со мной и въ частности въ мой разговоръ съ нимъ въ Мангеймѣ. Faute de mieux, Мангеймъ — послѣднее прибѣжище, главный козырь въ игрѣ, въ которой незамѣтно для себя Плехановъ дѣлаетъ ставку на свои честь и доброе имя. Читатель увидитъ сейчасъ, почему.

Уже въ письмѣ моемъ къ Мартову я говорилъ, что лучше бы Плеханову не дѣлать ссылокъ на неподлежащіе провѣркѣ разговоры и прибавлялъ, что его ошибка въ отнесеніи Мангеймскаго съѣзда къ 1907 году не изъ пріятныхъ для него по обстоятельствамъ, о которыхъ я сейчасъ не могу распространяться. Теперь Плехановъ провоцируетъ меня, чтобы я доказалъ объ этихъ обстоятельствахъ, замѣчая: «никакіе „намеки“ тутъ недопустимы: я именно требую, чтобы вмѣсто нихъ г. Потресовъ далъ прямой отвѣтъ на вопросъ, который я ставлю ему совершенно прямо». Т. е. говорилъ я или не говорилъ Плеханову то, что онъ мнѣ приписываетъ. А приписываетъ онъ мнѣ буквально слѣдующее: я упрекалъ Плеханова въ томъ, что онъ, «признавая необходимымъ рабочій съѣздъ», «въ то же время признавалъ необходимой и нашу партію». «Самъ же онъ (т. е., Потресовъ, А. П.) — повѣствуетъ Плехановъ — отстаивая идею съѣзда, *отрицалъ идею партіи* (курсивъ мой, А. П.). Этого «не вѣдаетъ никто» въ томъ смыслѣ, что при нашемъ разговорѣ никто не присутствовалъ. У меня нѣтъ свидѣтелей. Но я, тѣмъ не менѣе, не боюсь прямо спросить нашего «историка журнальной (легальной) публицистики»: правду ли я говорю? Пусть онъ скажетъ, что нѣтъ. Отрекшись отъ своихъ словъ, онъ тѣмъ самымъ будетъ достаточно наказанъ»... (стр. 14—15).

Итакъ, Плехановъ бросаетъ мнѣ вызовъ. Ну что же, я принимаю его вызовъ и если раньше, въ письмѣ моемъ къ Мартову, я ограничивалъ свою тяжбу съ Плехановымъ предметомъ статьи, я уклонялся отъ опредѣленія того, какимъ настоящимъ именемъ назвать его ссылку на Мангеймъ, то теперь я готовъ съ нимъ договорить до конца. Я заявляю, что Плехановъ говоритъ завѣдомую неправду, и это свое заявленіе, которое я берусь доказать во всемъ его объемѣ, я выношу на судъ общественнаго мнѣнія.

Разберемся. Плехановъ утверждаетъ, что въ разговорѣ моемъ съ нимъ въ Мангеймѣ я, отстаивая идею рабочаго съѣзда, «*отрицалъ идею партіи*». Это ясное и недвусмысленное обвиненіе, неподдающееся перетолкованію, означаетъ ни больше, ни меньше, какъ то, будто бы я сдѣлалъ въ Мангеймѣ признаніе Плеханову, что я перестаіъ быть соціалдемократомъ. Ибо, конечно, читатель понимаетъ, что не можетъ быть соціальдемократомъ человѣкъ, отрицающій идею соціальдемократической партіи; и что одно дѣло подвергать хотя бы и самой безпощадной критикѣ *данную* партію и ея современное состояніе во имя идеи соціальдемократической партіи, какой она должна быть, чтобы стать достойной выразительницей революціоннаго движенія пролетаріата, и другое дѣло — отрицать эту самую идею, во имя которой до сихъ поръ и велась вся борьба меньшевизма противъ партійныхъ консерваторовъ, во имя которой боролись сторонники «рабочаго съѣзда», во имя которой и я наговорилъ не мало откровенныхъ и непріятныхъ вещей по адресу нашей «интеллигентской соціальдемократіи».

И, конечно, Плехановъ не новичекъ чтобы смѣшивать эти понятія; онъ достаточно долго проходилъ черезъ школу международной соціальдемократіи, чтобы не знать, что можно быть добрымъ соціальдемократомъ, каковымъ былъ, кажется, Энгельсъ, и весьма отрицательно относиться къ англійской соціальдемократической федераціи, можно быть убѣжденнымъ сторонникомъ соціалдемократіи въ Америкѣ, и не вѣрить въ будущее партіи Де-Леона и, наконецъ, можно быть ортодоксальнѣйшимъ марксистомъ-соціалдемократомъ въ Россіи и видѣть чрезвычайно сомнительную жизнеспособность и приспособляемость нашего современнаго организаціонно-партійнаго цѣлаго.

Но именно потому, что я не допускаю и мысли о возможности у Плеханова подобнаго смѣшенія понятій, я не допускаю и возможности недоразумѣній, на которыя такъ охотно сваливаютъ

вину, когда рѣчь заходитъ о частныхъ разговорахъ: одинъ, молъ, непонялъ другого, отсюда и безпредметный конфликтъ. Нѣтъ, Плехановъ отлично понималъ, что ему говорили, какъ знаетъ и теперь хорошо, что дѣлаетъ, когда утверждаетъ, будто я отрицалъ идею партіи...

Отрицаніе идеи партіи, т. е. отреченіе отъ соціалдемократіи, или, выражаясь словами Плеханова, „замыселъ противъ существованія партіи"! Кажется: немаловажное признаніе было, будто бы, сдѣлано Плеханову, достаточное, чтобы забить тревогу, чтобы рѣзко измѣнить свое отношеніе къ отступнику, чтобы попытаться въ дальнѣйшемъ нейтрализовать возможный вредъ отъ вліянія этого отступившаго отъ соціалдемократіи человѣка. И что же?

Плехановъ молчитъ. Молчитъ непосредственно вслѣдъ за Мангеймомъ; молчитъ и тогда, когда во время Лондонскаго съѣзда весной слѣдующаго года (1907) мы съ нимъ встрѣчаемся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на цѣлолъ рядѣ меньшевистскихъ собраній, на которыхъ мнѣ приходится неоднократно высказываться объ общихъ задачахъ меньшевизма. И Плехановъ не только не исполняетъ своей прямой обязанности соціалдемократа и не выводитъ меня на свѣжую воду, но, наоборотъ — на одномъ изъ первыхъ же собраній, на которомъ я говорилъ, что мы, меньшевики, должны рѣшать нашъ практическій вопросъ — что дѣлать, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какъ посмотритъ на это оффиціальная партія, что скажетъ и какъ отнесется большевизмъ, Плехановъ беретъ слово и начинаетъ свою рѣчь съ согласія съ предшествующими ораторами — Аксельродомъ и мной.

Плехановъ въ своей брошюрѣ говоритъ, что когда онъ въ своей вступительной рѣчи на Лондонскомъ съѣздѣ сказалъ, что въ нашей партіи «почти совсѣмъ нѣтъ ревизіонистовъ», то онъ забылъ о моемъ существованіи (стр. 16). Спрашивается теперь: быть можетъ, онъ забылъ обо мнѣ и моемъ Мангеймскомъ отступничествѣ и тогда, когда на меньшевистскомъ собраніи высказывалъ свое согласіе со мной? Или его память, спеціально тренированная на Мангеймскую бесѣду, какъ разъ въ данномъ случаѣ ему измѣняетъ? Къ счастью, это былъ разговоръ не tête à tête и найдутся, конечно, свидѣтели товарищи, которые — буде нужно — могутъ освѣжить его память.

Надѣюсь, Плехановъ начинаетъ теперь понимать, почему чрезвычайно неудобнымъ для него является то обстоятельство, что мой разговоръ съ нимъ въ Мангеймѣ на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ предшествовалъ Лондонскимъ меньшевистскимъ собраніямъ.

Но дальше... Дальше проходитъ еще пять мѣсяцевъ; осенью 1907 года мнѣ представилась возможность (увы! она меня только поманила и не осуществилась) организовать въ Петербургѣ политическую газету. Когда дѣло, казалось, налаживалось, я обратился къ Плеханову за содѣйствіемъ. И вотъ что Плехановъ мнѣ отвѣтилъ — 28 октября (нов. стиля) 1907 г.*) Привожу письмо дословно:

«Дорогой Александръ Николаевичъ, меня очень обрадовало Ваше письмо. Спѣшу отвѣтить на него *немедленно* (курсивъ Плеханова) по его полученіи. Я думаю, что всѣ мы обязаны сдѣлать все отъ насъ зависящее для осуществленія мысли о газетѣ. Газета необходима. Я обѣщаю Вамъ самое энергичное участіе въ ней. Напишите мнѣ болѣе подробно, когда можно надѣяться на появленіе газеты. Меня интересуетъ всякая подробность, касающаяся этого дѣла, но пока что, повторяю, я буду работать въ газетѣ самымъ прилежнымъ образомъ. Газета необходима для борьбы съ тѣмъ одичаніемъ, которое надвигается на насъ. Спѣшу отправить письмо на почту, чтобы оно сейчасъ же пошло въ путь. Поклонитесь В. И. Я ей напишу особо.

Вашъ Г. Плехановъ.

P. S. Упорное молчаніе меньшевиковъ есть актъ политическаго самоубійства!»

Читатель! Такъ пишетъ Плехановъ къ человѣку, который заявилъ о своемъ отрицаніи «идеи партіи»!

Завѣдомому еретику Плехановъ выражаетъ довѣріе, съ радостью соглашаясь участвовать въ создаваемомъ имъ органѣ, какъ «необходимомъ для борьбы съ тѣмъ одичаніемъ, которое надвигается на насъ»!

Предоставляю же судить общественному мнѣнію: существовалъ ли, дѣйствительно, такой конфликтъ взглядовъ въ Мангеймѣ, или его конструкція относится къ позднѣйшему времени, когда Плеханову понадобилось создать ретроспективный „Мангеймъ"!

Предоставляю и Плеханову самому назвать себя тѣмъ именемъ, котораго онъ заслуживаетъ... Мнѣ же съ этимъ человѣкомъ больше нечего дѣлать...

* * *

Для читателя еще нѣсколько словъ въ заключеніе — о моемъ будто бы „легализмѣ". Я, дѣйствительно, придаю громадное значеніе тому, что можно бы назвать борьбою за открытое существованіе соціакдемократіи. Я, дѣйствительно, знаю, какую громадную и во многомъ отрицательную роль сыграло въ развитіи русской соціальдемократіи подполье, ибо подполье — при нашихъ условіяхъ историческаго развитія — закрѣпило интеллигентско-кружковый характеръ соціалдемократической организаціи. Ибо благодаря подпольному существованію затягивался процессъ вовлеченія пролетаріата въ соціальдемократическіе ряды, и поддерживалась та его пассивность, на основѣ которой только и могли расцвѣсть многія специфическія, я бы сказалъ „истинно-русскія" особенности нашего солціалдемократическаго развитія.

Но условія общественнаго развитія не выбираются, а даются ходомъ исторіи и, конечно, ни одному здравомыслящему представителю международной соціалдемократіи не пришло бы въ голову оспаривать необходимость и цѣлесообразность того нелегальнаго аппарата, которымъ располагала Германская соціалдемократія во время исключительнаго закона противъ соціалистовъ.

Вообще же мнѣ думается: соціалдемократу не пристало быть ни фетишистомъ легализма, ни фетишистомъ нелегальщины. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста — какъ любилъ повторять Чернышевскій и какъ вслѣдъ за нимъ намъ твердилъ столько лѣтъ Плехановъ. Вотъ именно. Сегодня хорошо одно, а завтра, быть можетъ, другое, а послѣзавтра — оба вмѣстѣ. Это вопросъ факта, вопросъ практической цѣлесообразности, но отнюдь не принципа.

А. Потресовъ-Старовѣръ.

*) Письмо заказное, помѣчено Genève, rue du Stand, 154.

Недреманое око т. Плеханова

Въ двухъ послѣднихъ выпускахъ своего «Дневника» т. Плехановъ сдѣлалъ честь пишущему эти строки, посвятивъ ему спеціально цѣлыхъ нѣсколько страницъ. Вначалѣ, признаюсь, это меня нѣсколько удивило, такъ какъ, насколько я помню, никакого lèse majesté (оскорбленія величества) по адресу т. Плеханова въ моемъ «статейномъ спискѣ» не имѣется, и по поводу статьи т. Потресова, сыгравшей столь роковую роль въ эволюціи т. Плеханова, я не высказывался ни письменно, ни устно. Но вскорѣ мнѣ стало ясно, что т. Плехановъ дѣйствуетъ по принципу кровной мести, который состоитъ въ томъ, чтобъ мстить всѣмъ роднымъ и друзьямъ «обидчика», такъ сказать, до десятаго колѣна, или, если угодно, подобно тому гоголевскому персонажу, который, посылая крѣпкія слова по адресу всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ своего врага, въ восходящей и нисходящей степени, не щадилъ даже свойственниковъ воображаемыхъ: «а если есть зять, то чтобъ и зятю!...»

Какъ бы тамъ ни было, т. Плехановъ такъ разсердился, что, разсыпая свои удары на-право и налѣво, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ это будетъ показано ниже, *не помнитъ себя*.

Начнемъ по порядку.

На стр. 20 № 10 «Дневника С.-Д.» т. Плехановъ, пересказавъ извѣстную сплетню тов. Алексѣя Московскаго о пишущемъ эти строки (см. мое письмо въ ред. Ц. О., напечатанное въ № 11 «С.-Д.»), пишетъ: «Я не привожу здѣсь его имени, такъ какъ насъ съ т. Алексѣемъ могли бы, пожалуй, обвинить въ нарушеніи требованій «конспираціи», хотя мнѣ и кажется, что за разрушеніе *соціальдемократической партіи* (курсивъ тов. Плеханова) грозитъ не столько каторга, сколько орденъ въ петлицу, на шею или куда тамъ слѣдуетъ».

О моихъ «орденахъ» я разговаривать съ тов. Плехановымъ не стану. Совѣтую ему обратиться за справками въ Деп. Полиціи, гдѣ ему представятъ такой «послужной списокъ», который его вполнѣ успокоитъ. Въ частности скажу лишь, что въ послѣдній разъ я былъ арестованъ (и затѣмъ сосланъ въ Сибирь) въ тотъ моментъ, когда, наканунѣ Лондонскаго съѣзда, на большомъ партійномъ собраніи читалъ докладъ въ защиту — увы! — «ликвидаторской» идеи т. Плеханова о рабочемъ съѣздѣ...

Мое письмо въ ред. Ц. О., гдѣ я указываю, что не только не предлагалъ московскимъ рабочимъ «распустить все»*), а, наоборотъ, убѣждалъ безуспѣшно московскихъ меньшевиковъ хотя бы *заинтересоваться* положеніемъ ихъ представителей въ Ц. К., — это письмо мое не удовлетворило тов. Плаханова. Настолько не удовлетворило, что въ 11 № «Дневника» онъ, принявъ видъ грознаго прокурора, говоритъ (стр. 24): «Что обвиняемый виновнымъ себя не признаетъ, это случается сплошь да рядомъ. Но очень рѣдко случается, чтобы обвиняемый своими собственными показаніями топилъ себя такъ, какъ топитъ т. И.»

Раньше, чѣмъ перейти къ этимъ «показаніямъ», отмѣтимъ забавное qui pro quo (недоразумѣніе). Тов. Плехановъ не понялъ или притворился, что не понялъ (предоставляю ему самому рѣшить, какое объясненіе для него почетнѣе) той ироніи, которая заключается въ подчеркнутомъ въ моемъ письмѣ словѣ „партійный" (рѣчь идетъ о моей бесѣдѣ съ 4-мя меньшевиками изъ *партійной* организаціи). Вѣдь со словъ этихъ самыхъ «партійцевъ», которые мнѣ заявили, что «вопросъ объ участіи или неучастіи м-ковъ въ Ц. К. не настолько важенъ, чтобы для его рѣшенія стоило посылать человѣка (на совѣщаніе, И.) и тратить деньги», со словъ этихъ именно «партійцевъ» Алексѣй Московскій и передаетъ, что я имъ совѣтовалъ «распустить все». А тов. Плехановъ тономъ классснаго наставника читаетъ мнѣ мораль, что «м-ки, разсуждавшіе такимъ образомъ, были, какъ двѣ капли воды, похожи на ликвидаторовъ», и это ихъ *ихъ* «ликвидаторство» есть, очевидно, по его мнѣнію, отягчающее мою «вину» обстоятельство!**)

Итакъ, за вычетомъ этого комичнаго сваливанія съ больной головы на здоровую, а также претендующихъ на «тонкое» глубокомысліе соображеній о поведеніи въ этомъ дѣлѣ ред. Ц. О. (на нихъ отвѣчаетъ т. Мартовъ), — остается изъ всѣхъ трехъ страницъ, посвященныхъ мнѣ т. Плехановымъ, лишь *одно* мѣсто, которое, какъ онъ думаетъ, и «топитъ» меня. Въ самомъ дѣлѣ:

«Товарищъ И.» заявляетъ категорически, что сообщеніе Алексѣя Московскаго не соотвѣтствуетъ истинѣ». Но изъ его же словъ выходитъ, что сообщеніе названнаго товарища, наоборотъ, *очень близко къ ней* (курсивъ Плеханова). Вѣдь, если одна изъ двухъ вязанокъ сѣна состояла въ предположеніи отказаться отъ участія въ Ц. К., то это значило, что т. И. считалъ возможнымъ «рас-

*) Кстати ужъ самая нелѣпость и бьющая въ глаза глупость этихъ словъ должны были бы заставить всякаго сильно усумниться въ правдивости „донесенія" т. Алексѣя М., всякаго, но, очевидно, не т. Плеханова.

**) Какъ видно, въ то время, какъ недреманое око т. Плеханова разыскивало крамолу, подъ его дреманнымъ окомъ (какъ у щедринскаго прокурора) свили гнѣздо цѣлыхъ четыре „ликвидатора", при чемъ самъ т. Алексѣй Московскій явно изобличенъ, по меньшей мѣрѣ, въ дружбѣ съ ними.

пустить все»: кто разрушаетъ сердце, тотъ разрушаетъ весь организмъ» (стр. 23-24).

Прежде всего, стоитъ быть отмѣченнымъ тотъ комизмъ, какой представляетъ эта рыцарская защита нашего «лондонскаго» Ц. К. въ устахъ т. Плеханова, того самаго Плеханова, который еще осенью 1907 г. въ „беззаглавной" газетѣ „Товарищъ" выступилъ съ насмѣшливой (и, надо признаться, бестактной) критикой его избирательной платформы, за что удостоился публичнаго выговора отъ большинства Ц. К., того самаго Плеханова, который въ этомъ же № „Дневника" фактически издѣвается надъ Ц. К. и его резолюціями и третируетъ его членовъ, какъ мальчишекъ.

Но суть, конечно, не въ этомъ. Суть, во-первыхъ, въ томъ, что, по логикѣ т. Плеханова, указаніе, какъ на одинъ изъ возможныхъ исходовъ, на выходъ м-ковъ изъ Ц. К., дѣятельность котораго они не въ силахъ были оживить или антипартійныя ея стороны обезвредить, — равносильно предложенію «распустить все». А затѣмъ... затѣмъ, припомнивъ, что нѣсколькими строками выше т. Плехановъ заявляетъ, что тѣ члены Ц. К., которые ушли «безъ мотивовъ», какъ двѣ капли воды похожи на «ликвидаторовъ», *перевернемъ одинъ листикъ* его «Дневника» (№ 11) и на стр. 20 прочитаемъ слѣдующее.

«Я былъ представителемъ нашей партіи въ международномъ соціалистическомъ бюро до нашего Лондонскаго съѣзда 1907 г. На этомъ съѣздѣ я подалъ въ отставку, такъ какъ въ виду нѣкоторыхъ его рѣшеній я считалъ, что я уже не могу представлять нашу партію передъ лицомъ международнаго пролетаріата. Не вижу надобности скрывать теперь, что меня больше всего смущало тогда недостаточно рѣшительное осужденіе съѣздомъ такъ называемыхъ экспропріацій. Теперь причина, побудившая меня къ отставкѣ, упразднена, можно сказать, самой жизнью. Но я все-таки не вижу надобности воспользоваться честью, оказанной мнѣ нашимъ Ц. К. Дѣло представительства въ международномъ бюро, въ сущности, такъ не сложно, что для него достаточно и одного человѣка».

Эта цитата такъ характерна, что къ ней почти нечего прибавить. По мнѣнію т. Плеханова выходъ «въ отставку» безъ мотивовъ или по мотивамъ, очень близкимъ къ мотивамъ т. Плеханова, — изъ Ц. К., гдѣ м-ки играли роль безсильной оппозиціи, есть ликвидаторство, а уходъ съ такого важнаго и отвѣтственнаго поста (при чемъ мотивы сообщаются спустя 3 года), какъ представительство партіи въ международномъ бюро, откуда можно было вліять на темныя стороны нашего «правящаго большинства» при помощи всей огромной моральной силы международной соціальдемократіи, — это есть истинная «партійность»!

Такова логика человѣка, который *не помнитъ себя*.

Въ заключеніе, для характеристики прокурорскаго безпристрастія «не помнящаго себя» т. Плеханова считаю своевременнымъ воскресить полностью одинъ эпизодъ изъ нашихъ отношеній къ Центральному Комитету.

Въ іюлѣ 1908 года, т. е. значительно позже моей поѣздки въ Москву, два нижеподписавшихся члена Ц. К. написали слѣдующее письмо къ м-камъ, какъ своимъ избирателямъ на Лондонскомъ съѣздѣ.

ВСѢМЪ МЕНЬШЕВИСТСКИМЪ ОРГАНИЗАЦІЯМЪ.

Уважаемые товарищи,

Съ самаго начала дѣятельности нынѣшняго Ц. К. обнаружилось и чѣмъ дальше тѣмъ ярче проявлялось полное его безсиліе, вызываемое какъ общимъ распадомъ партіи, такъ и фракціонной борьбой внутри самого Ц. К. Не имѣя матеріальныхъ средствъ для приведенія въ исполненіе своихъ собственныхъ рѣшеній, для посылки своихъ представителей по организаціямъ, не пользуясь достаточнымъ уваженіемъ ни одной изъ фракцій, фактически оторванный отъ мѣстной работы, Ц. К. былъ лишь простой фикціей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда его рѣшенія могли имѣть серьезное моральное значеніе, особенно въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, а именно въ дѣлѣ борьбы съ экспропріаторскими тенденціями, до сихъ поръ развращающими наши ряды и дискредитирующими россійскую соціальдемократію въ глазахъ соціалистовъ всего міра, — большинство Ц. К. не пожелало проявить достаточно твердости и рѣшимости; а мы, меньшевики, могли лишь платонически протестовать противъ этого. Да и вообще мы не могли содѣйствовать оживленію дѣятельности Ц. К., тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ общимъ партійнымъ распадомъ и меньшевистская фракція перестала существовать, какъ организованное цѣлое, и мы, такимъ образомъ, не могли опираться на общественное мнѣніе меньшевиковъ.

Всѣми указанными причинами и объясняется постепенное фактическое устраненіе всѣхъ меньшевиковъ-членовъ Ц. К. отъ участія въ его дѣятельности.

Вѣроятно, большинству товарищей уже извѣстно, что втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ Ц. К., по причинамъ полицейскаго характера, совершенно пересталъ функціонировать. Въ виду этого въ настоящее время б-ками, поляками и отчасти бундовцами поднятъ вопросъ о созывѣ заграницей *пленарнаго* собранія Ц. К., не созывавшагося съ начала ноября, на которомъ, между прочимъ, будетъ обсуждаться вопросъ о созывѣ конференціи.

Мы, нижеподписавшіеся члены Ц. К. меньшевики, находящіеся заграницей, не откажемся присутствовать на этомъ собраніи, но съ своей стороны внесемъ слѣдующее предложеніе: „Въ виду разстройства стараго партійнаго аппарата не только въ центрѣ, но и на мѣстахъ, въ виду того, что обстановка партійной работы радикально измѣнилась, въ виду того, наконецъ, что предварительныя условія для возрожденія объединенной партійной организаціи еще пока отсутствуютъ, какъ вслѣдствіе идейнаго разброда, такъ и вслѣдствіе ничтожныхъ проявленій работы на мѣстахъ, — мы предлагаемъ: 1) не созывать въ настоящій моментъ проектируемой общепартійной конференціи, какъ преждевременнойи притомъ въ самой минимальной степени не могущей выразить мнѣнія жизненныхъ и активныхъ элементовъ соціальдемократіи; 2) ограничить на ближайшее время роль Ц. К. лишь информаціонными функціями, вслѣдствіе фактической невозможности для него, какъ показалъ опытъ, быть пока чѣмъ либо большимъ, чѣмъ информаціонное бюро." Если же наше предложеніе не будетъ принято, то мы вынуждены будемъ отказаться отъ фактическаго участія въ дальнѣйшей дѣятельности Ц. К., считая это участіе безполезнымъ и порождающимъ вредныя „организаціонныя иллюзіи".

Съ товарищескимъ привѣтомъ члены Ц. К.

И., Днѣпровскій.*)

Іюль 1908 г., Женева.

На пленумѣ Ц. К. въ августѣ 1908 года, б-ки, до которыхъ дошли нѣкоторые отрывки изъ этого письма въ вольной передачѣ изъ вторыхъ рукъ, со свойственнымъ имъ демагогическимъ лицемѣріемъ сдѣлали изъ него громкое дѣло о «заговорѣ противъ Ц. К.». Инцидентъ этотъ обсуждался на совѣщаніяхъ членовъ Ц. К. — м-ковъ съ членами редакціи «Г. С.-Д.», при участіи т. Плеханова.

Насколько я помню, т. Плехановъ находилъ, что уходить изъ Ц. К. не слѣдуетъ, чтобы не оставлять б-ковъ безконтрольными хозяевами положенія, и самое письмо считалъ «неосторожнымъ»; но рѣшительно никакихъ даже намековъ на «преступное ликвидаторство» подписавшихъ его не дѣлалось.

Почему же т. Плехановъ счелъ нужнымъ кричать свое комично-грозное «caveant consules», теперь, спустя $1^1/_2$ года, воспользовавшись первой нелѣпой сплетней, подхваченной или сочиненной Алексѣемъ Московскимъ? Вѣроятно, потому, что онъ такой безпощадный врагъ «кружковой дипломатіи»...

И.

Печальный рецидивъ

Настоящимъ листкомъ мы выполняемъ непріятную обязанность — „показать сомнѣвающимся", что выпады т. Плеханова противъ меньшевиковъ вообще, и „Г. С.-Д." въ частности, „представляютъ собою типичный образчикъ чисто литераторской и личной полемики, лишенной принципіальнаго содержанія" („Голосъ С.-Д.", № 19—20).

Обязанность — несомнѣнно, *непріятная*: рѣчь идетъ, вѣдь, о человѣкѣ, у котораго русскіе соціальдемократы учились принципіальности, о человѣкѣ, заложившемъ идейный фундаментъ, на которомъ построено зданіе русской соціальдемократіи. Но, въ то же время, — несомнѣнная *обязанность*: прикрываемая именемъ Плеханова, такого сорта безпринципная полемика скорѣе всего способна дезорганизовать и то немногое, что осталось организованнымъ въ русской соціальдемократіи, скорѣе всего способна внести путаницу въ вопросы, требующіе для своего разрѣшенія максимальной ясности и опредѣленности мысли.

Этой ясности и опредѣленности, столь характерной для всѣхъ серьезныхъ работъ Г. В. Плеханова, нельзя найти и слѣда въ разведенной имъ за послѣднее время полемической литературѣ. Быть можетъ, это надо отнести къ его чести: его революціонная, критическая мысль не мирится съ тѣмъ дѣломъ, которое онъ сейчасъ дѣлаетъ, и потому онъ не можетъ дать ей простора. Какъ нельзя болѣе яркимъ образчикомъ этой связанности мысли служитъ пресловутый «инцидентъ» со статьей т. Потресова.

Когда то т. Плехановъ умѣлъ зло смѣяться надъ „совѣтниками Ивановыми", усматривающими въ каждомъ разногласіи опасность „ревизіонизма" и не понимающими, что ревизіонизмъ есть пересмотръ „всѣхъ основныхъ положеній ортодоксальнаго марксизма"; когда то тов. Плехановъ полагалъ, что люди, признающіе нашу программу, — „наши единомышленники, и тотъ, кто вздумалъ бы третировать ихъ, какъ неполноправныхъ членовъ партіи, поступилъ бы въ высшей степени несправедливо и страшно нерасчетливо", болѣе того — „мы были бы *клеветниками* (курсивъ Плеханова), если бы продолжали называть ихъ ревизіонистами".**) Теперь — даже не мысли и не „полу-мысли", а одного учуяннаго Плехановымъ въ разговорахъ „настроенія" достаточно для того, чтобы объявить человѣка безповоротно и неизлѣчимо больнымъ ревизіонистскою проказою и потому подлежащимъ немедленному отлученію отъ общенія съ „здоровыми" совѣтниками Ивановыми!

А, между тѣмъ, — *это надо непремѣнно помнить* — именно Потресовскій „инцидентъ", именно нежеланіе нашей литературной группы выступать въ роли „совѣтника Иванова" и послужило *единственной* причиной разрыва Плеханова съ „Г. С.-Д.". Борьба съ „ликвидаторствомъ" явилась позже, *значительно позже*. Эта „борьба" не была знаменемъ возстанія Плеханова противъ нашего „оппортунизма", а знаменемъ эмигрантскихъ „совѣтниковъ Ивановыхъ", лишь *подхваченнымъ* Плехановымъ для оправданія своего разрыва съ „Голосомъ С.-Д.".

„Иное дѣло критика, а иное дѣло крѣпкое слово", — писалъ Плехановъ въ „Письмахъ о тактикѣ и бестактности". Увы! Въ его „Дневникахъ" послѣдняго времени много „крѣпкихъ словъ", а „критики"?... Достаточно сказать, что всю аргументацію этой „критики" Плехановъ черпаетъ теперь у тѣхъ самыхъ большевиковъ, по адресу которыхъ была направлена только что цитированная нами фраза; у того самаго „Ленина съ братіей", о кото-

*) Какъ теперь оказывается, это письмо не смотрѣло слишкомъ пессимистически на вещи: за все послѣдующее время Ц. К. не могъ стать даже информаціоннымъ бюро... Кстати, теперь можно сказать то, чего авторы письма не договаривали, а именно, что, при фактическомъ отсутствіи Ц. К., его именемъ и формальнымъ значеніемъ пользовался Б. Ц., въ оцѣнкѣ роли котораго т. Плехановъ врядъ ли расходился съ авторами письма.

**) Г. В. Плехановъ. Централизмъ или бонапартизмъ? „Искра" № 65.

ромъ Плехановъ еще въ 1906 году писалъ, что „въ тактическихъ — а также во многихъ другихъ — взглядахъ этихъ людей *давно уже* нѣтъ *ни одного атома* (курсивъ нашъ) марксизма“,[1] и у котораго нынѣ, въ лѣто отъ Р. Х. 1910, тотъ же Плехановъ открылъ богатыя залежи „революціоннаго марксизма“ на потребу своего „анти-ликвидаторства“.

Немудрено, что „анти-ликвидаторство“ это ни на вершокъ не поднимается надъ уровнемъ большевистской вульгарности. Встрѣчаясь съ несомнѣннымъ фактомъ развала старой партійной организаціи, съ одной стороны, новыми побѣгами рабочаго движенія внѣ старыхъ организаціонныхъ рамокъ и формъ, — съ другой, діалектикъ и матеріалистъ Плехановъ начинаетъ съ того, что ищетъ „виноватаго“ и находитъ его въ „меланхолически“ настроенномъ „ликвидаторѣ“! Психологическія переживанія стараго партійнаго интеллигента являются въ глазахъ діалектика и матеріалиста Плеханова первопричиной переживаемаго партіей и рабочимъ движеніемъ перелома! И Плехановъ, тысячу разъ осмѣивавшій людей, разсуждающихъ по формулѣ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, а прочее — отъ лукаваго, самъ начинаетъ по этой формулѣ готовить рецепты спасенія партіи, вставая «на защиту подполья», требуя не то исключенія «ликвидаторовъ» изъ партіи, не то отдачи ихъ подъ надзоръ партійной полиціи! Ну, какъ тутъ не повторить слова самого Плеханова, обращенныя къ «товарищамъ-бланкистамъ» (нынѣ исполняющимъ должность «революціонныхъ социальдемократовъ»!): «вы *взываете* къ массѣ; но *дѣйствуете* вы такъ, что всѣ шансы успѣха пріурочиваются вами къ подпольной работѣ людей «съ техникой». И этимъ самымъ шансы успѣха доводятся вами до крайне смѣшного минимума».[2]

Кто не хочетъ доводить «до крайне смѣшного минимума» шансы успѣха своей борьбы съ опасностями, угрожающими русскому рабочему движенію и русской соціальдемократіи, тотъ, конечно, не станетъ, на подобіе Ленина-Плеханова, отводить вниманіе соціальдемократовъ отъ опасности *дѣйствительной* къ опасности *мнимой*, какой являются злоумышляющіе якобы противъ нашей партіи «ликвидаторы».

Это опасность завѣдомо *мнимая* и даже прямо *выдуманная* извѣстными мастерами кружковаго дѣла, которые со своей, бланкистской точки зрѣнія никакъ не могутъ объяснить крушенія своихъ кружковыхъ «заговоровъ» иначе, какъ чьимъ-нибудь другимъ «заговоромъ противъ партіи», отождествляемой ими съ самими собою. Но этотъ упрощенный методъ мышленія присталъ ли т. Плеханову? Пристало ли ему изображать изъ себя «любопытнаго», который, разгуливая по нашей партійной кунсткамерѣ, умудряется не примѣтить слона — того несомнѣннаго факта, что наша *старая* партійная *организація* уже почти до конца «ликвидирована» жизнью[3]; что отъ нея остались лишь «разрозненные члены» въ видѣ отдѣльныхъ литературныхъ и организаціонныхъ кружковъ, почти не связанныхъ другъ съ другомъ; и что поэтому товарищи, которые задавались бы злонамѣренной цѣлью «ликвидировать» эту организацію, попросту ломились бы въ открытую дверь? Неужели *въ этомъ* именно смѣшномъ занятіи (если предположить вмѣстѣ съ т. Плехановымъ, что есть много любителей такого страннаго дѣла) заключается опасность для соціальдемократіи?

Или рѣчь идетъ о «ликвидаторствѣ» программномъ, о ревизіонизмѣ? Да, съ ревизіонизмомъ надо вести упорную идейную борьбу. Но среди тѣхъ, кого обвиняютъ въ «ликвидаторствѣ», среди с.-д. дѣятелей рабочаго движенія, дѣйствующихъ внѣ рамокъ старой организаціи, есть ли хоть сколько-нибудь замѣтная группа людей, желающихъ «ликвидировать» нашу программу или пересмотрѣть «основныя положенія» ея? Пусть тѣ, кто не желаетъ прослыть въ глазахъ т. Плеханова «клеветниками», *докажутъ* это, и тогда, конечно, самъ Плехановъ признаетъ, что онъ былъ неправъ, когда утверждалъ на Лондонскомъ съѣздѣ, что «въ нашей партіи почти совсѣмъ нѣтъ *ревизіонистовъ*»; или когда — уже *послѣ* Лондонскаго съѣзда, т. е. послѣ «Фридриха» и прочихъ нынѣшнихъ жупеловъ — писалъ[4]: «наши «меньшевики», которыхъ иные — *мало вдумчивые или не вполнѣ добросовѣстные* — публицисты уподобляютъ подчасъ «ревизіонистамъ», въ дѣйствительности относятся къ «ревизіонизму» *съ гораздо болѣе полнымъ отрицаніемъ* (курсивъ вездѣ нашъ), нежели «большевики»; или когда[5], наконецъ, рекомендовалъ «запомнить тѣмъ, которые подозрѣваютъ «меньшевиковъ» въ ревизіонизмѣ», что, напримѣръ, въ такомъ кардинальномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, «Марксъ оказывается *чистѣйшимъ «меньшевикомъ»* (курсивъ Плеханова) avant le mot».[6]

Мы не сомнѣваемся, что т. Плехановъ нынѣ съумѣетъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться «паралогизмами и софизмами», рекомендуемыми имъ вниманію т. Мартынова, чтобы „доказать“, что все «перемѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ»: тамъ, гдѣ „давно уже не было ни атома марксизма», нынѣ расцвѣтаетъ пышный революціонно-марксистскій баобабъ, и наоборотъ, — тамъ, гдѣ господствовало „гораздо болѣе полное отрицаніе резизіонизма“, нынѣ гнѣздится оппортунистическая скверна. Не сомнѣваемся и въ томъ, что, разъ взявъ подъ ручку т. Ленина, Г. В. Плехановъ по необходимости долженъ будетъ продѣлать съ нимъ всю кам-

1) „Гдѣ же правая сторона и гдѣ ортодоксія?“, „Курьеръ“ 8 іюня 1906 года № 20.

2) Письма о тактикѣ и пр. „Голосъ Труда“, 3 іюля 1906, № 12.

3) И прибавимъ: „ликвидирована“, какъ это отлично знаетъ Г. В. Плехановъ, не безъ дѣятельнаго участія его нынѣшнихъ сотрудниковъ по „спасенію партіи“: вѣдь, это никто иной, какъ они, мертвили партію своею сектантскою заскорузлостью, и никто иной, какъ они, злоупотребляли фирмою партіи для совершенія „дѣлъ“, врядъ ли имѣющихъ что-либо общее съ „революціоннымъ марксизмомъ“.

4) Предисловіе къ брошюрѣ „Мы и они“, СПБ. 1907.

5) Тамъ же, стр. 9.

6) Раньше, чѣмъ это слово („меньшевикъ“) было выдумано.

панію травли противъ дѣятельности, ведущейся въ духѣ дѣйствительнаго революціоннаго марксизма въ Россіи, вплоть до обвиненія ея въ „экономизмѣ“, въ борьбѣ за „частичныя права“, въ приниженіи „лозунговъ“ и пр. и пр. Въ самомъ дѣлѣ: почему „борьба за легальность“ (представляющая, впрочемъ, не лозунгъ, а фактъ) должна найти въ глазахъ т. Ленина большее снисхожденіе, чѣмъ „борьба за отвѣтственное министерство“? И если въ этой послѣдней „борьбѣ“ т. Плехановъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, былъ „чистѣйшимъ меньшевикомъ“, то теперь, волей-неволей, ему придется, вмѣстѣ съ Ленинымъ, быть чистѣйшимъ... „партійцемъ“. Положеніе обязываетъ!

Но никакіе „паралогизмы и софизмы“ не могутъ скрыть того факта, что въ вопросѣ объ опасностяхъ, угрожающихъ соціальдемократіи и рабочему движенію, Г. В. Плехановъ отдѣлывается сущими пустяками, ибо и не думаетъ хоть какъ нибудь связать свои организаціонно-полемическіе чертежи съ тѣми экономическими и соціально-политическими отношеніями, въ которыхъ приходится развиваться и бороться современному русскому рабочему движенію. А внѣ такой связи организаціонный вопросъ превращается въ организаціонную алхимію, въ искусство писать организаціонные рецепты, „спасающіе“ соціальдемократію. Алхимикамъ нѣтъ дѣла до того, что при различныхъ экономическихъ и соціально-политическихъ отношеніяхъ одна и та же организаціонная форма пріобрѣтаетъ различный — подчасъ прямо противоположный — смыслъ, различный удѣльный вѣсъ, вмѣщаетъ различное содержаніе. У нихъ есть философскій камень: вчера онъ назывался „бюрократическимъ централизмомъ“, сегодня его, для разнообразія и сокрытія преемственности, именуютъ „подпольемъ“. Кто не вѣритъ въ чудодѣйственную силу философскаго камня и въ живомъ рабочемъ движеніи и выдвигаемыхъ имъ задачахъ ищетъ указаній на организаціонные пути, которые скорѣе всего выведутъ это движеніе на широкую дорогу революціонной соціальдемократіи, тотъ — „оппортунистъ въ организаціонномъ вопросѣ“, или — выражая эту нелѣпую, старомодную формулу, надъ которой когда-то такъ ѣдко умѣлъ смѣяться Плехановъ, въ современныхъ, не менѣе нелѣпыхъ терминахъ, — тотъ — „ликвидаторъ“.

И однако, достаточно хоть слегка прикоснуться къ дѣйствительности, чтобы замѣтить два факта, которые въ значительной степени являются плодами 25-лѣтней дѣятельности нашей соціальдемократіи и въ этомъ смыслѣ служатъ къ величайшей чести нашей старой партіи. Первый фактъ заключается въ томъ, что русская соціальдемократія переросла ту пору, когда она могла быть политической организаціей для *воздѣйствія* на пролетаріатъ. Она можетъ быть теперь лишь политической организаціей *самого* пролетаріата. Второй же фактъ заключается въ томъ, что завоеванія революціи и ростъ классоваго сознанія и самодѣятельности пролетаріата направили энергію передовыхъ слоевъ его на занятіе открытыхъ и полуоткрытыхъ позицій, сдѣлали ихъ способными отстаивать эти позиціи, отлили ихъ движеніе въ форму, которая не вмѣщается въ рамки *старой* подпольной организаціи съ неизбѣжнымъ въ ней главенствомъ «профессіональныхъ революціонеровъ». И — что также въ высшей степени важно — эти передовые слои пролетаріата не являются «отрѣзаннымъ ломтемъ», горсточкой «*выходцевъ*» изъ рабочаго класса, чуждой по своему міросозерцанію и дѣятельности пролетарской массѣ. Нѣтъ, — и въ этомъ свидѣтельство колоссальнаго шага впередъ, сдѣланнаго за послѣдніе годы рабочимъ классомъ Россіи, — эти слои остаются костью отъ кости, плотью отъ плоти рабочей массы, являются, дѣйствительно, лишь *передовыми* элементами *ея же*, отражаютъ въ своей дѣятельности тѣ тенденціи, которыя уже бродятъ — хотя и въ гораздо болѣе смутномъ и неоформленномъ видѣ — въ самой массѣ.

Если бы весь этотъ процессъ совершался подъ знакомъ продолжающагося революціоннаго подъема; если бы не оборвалась та нить организаціоннаго строительства, которая началась, съ одной стороны, возникновеніемъ массы боевыхъ рабочихъ организацій (профессіональныхъ), совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, совѣтовъ рабочихъ уполномоченныхъ и выборщиковъ въ Думу и т. д. и т. д., а съ другой стороны, — спѣшными попытками старой партіи реформировать свою *организацію* и *методы* своей работы примѣнительно къ новымъ условіямъ и требованіямъ рабочаго движенія, то, несомнѣнно, уже теперь это движеніе, черезъ *рабочій съѣздъ*, привело бы къ гигантскому росту соціальдемократіи.

Но случилось не такъ. Всему описанному выше процессу суждено было протекать подъ знакомъ жесточайшаго экономическаго кризиса и свирѣпой политической реакціи. Отсюда — медленность формированія рабочей соціальдемократіи; зачаточность формъ, въ которыхъ совершается процессъ сплоченія пролетаріата; раздробленность рабочаго движенія, его зигзаги, узость размаха, ограниченность непосредственныхъ цѣлей, вялость и подавленность, шатанія и колебанія его передовыхъ элементовъ, словомъ, всѣ тѣ *дѣйствительныя опасности*, которыя неразлучно связаны съ отсутствіемъ объединенности рабочаго движенія, съ отсутствіемъ дѣятельной соціальдемократической партіи. Отсюда же — и *дѣйствительныя опасности* для старой партіи: вынужденное возвращеніе въ ущелье конспираторства ослабило размахъ ея *самореформаторской* работы, расшатало узы, начавшія было тѣсно связывать ее съ рабочимъ движеніемъ, и такимъ образомъ, ослабивъ зависимость ея судебъ отъ этого движенія, усилило ихъ зависимость отъ самодовлѣющихъ, внутреннихъ кружковыхъ переживаній. А это, въ свою очередь, мертвило партійную организацію, выталкивало изъ ея рядовъ не только разочарованныхъ дезертировъ (въ чемъ не было бы бѣды), но и активные, жаждущіе дѣятельности соціальдемократическіе элементы, вело, словомъ, къ развалу партіи.

Вотъ — дѣйствительное положеніе дѣлъ, «отговориться» отъ котораго невозможно никакими «паралогизмами и софизмами»

никакими признаніями наличности «перелома» и «кризиса» («Дн.» № 11, с. 9) безъ яснаго отвѣта на вопросъ: въ *чемъ* же состоитъ этотъ «переломъ»? Чтобы не *болтать* о «возстановленіи партіи», а дѣйствительно *возстанавливать* ее, надо указанное выше положеніе дѣлъ — какъ говоритъ резолюція Ц. К. — «предолѣть»[1]). Никакія попытки пламеннымъ «бодрымъ словомъ» или дифирамбами въ честь «подполья» непосредственно воздѣйствовать на «настроеніе». которое, несомнѣнно, *при извѣстныхъ условіяхъ*,[2]) можетъ породить *въ будущемъ* опасные выводы, но которое само является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ современнаго положенія дѣлъ, — разумѣется, помочь не могутъ. Единственный выходъ изъ этого порочнаго круга, это, повторяемъ, — настойчивое стремленіе революціонно воздѣйствовать на само «положеніе дѣлъ», его «преодолѣвать». *Какъ?* Отвѣты на этотъ вопросъ могутъ быть разные.

Сектанты бланкистскаго толка игнорируютъ ходъ дѣйствительнаго рабочаго движенія и условія его развитія. Они слѣдуютъ по стопамъ своихъ учителей, бланкистовъ, въ планахъ которыхъ — будемъ говорить словами Плеханова! — «отводилось извѣстное и даже очень большое мѣсто массѣ», но «отношеніе» которыхъ «къ массѣ было утопическимъ въ томъ смыслѣ, что они не понимали, какъ важна *ея революціонная самодѣятельность*. Въ ихъ планахъ *дѣйствовали*, собственно говоря, только заговорщики. а масса лишь *содѣйствовала*, увлеченная хорошо организованнымъ меньшинствомъ».[3]) Понятно, что для сектанта только и возможенъ такой «планъ», который заключается въ томъ, чтобы собрать кучку «настоящихъ», «истинныхъ» с.-д.-овъ — вчера они назывались «профессіональными революціонерами», сегодня называются «партійцами», — объявить дѣйствительное рабочее движеніе «ликвидаторствомъ» и обрушиться на него всею тяжестью отлученія отъ церкви.

Оппортунистъ(„экономистъ“—тожъ) разсуждаетъ иначе. Онъ— пользуемся опять словами Плеханова[4]) — „не выяснилъ себѣ, какое именно понятіе должно связываться со словами: *интересъ* (рабочаго класса). Онъ отождествилъ интересъ съ *извѣстнымъ состояніемъ сознанія*“. Для него „реальные интересы“ рабочихъ — это только *„уже сознанные интересы“*, а задача соціальдемократа— только выраженіе этихъ „уже сознанныхъ“ интересовъ. Отсюда— преклоненіе не передъ развитіемъ массоваго рабочаго движенія, а передъ его любою недоразвитостью; не передъ его революціонною историческою сущностью, а передъ каждымъ даннымъ этапомъ его историческаго пути.

А какъ разсуждаетъ *революціонный марксистъ?* Онъ, ни на минуту не можетъ забыть всей важности *„революціонной самодѣятельности“* массъ и потому, разумѣется, не можетъ игнорировать наличнаго въ данную историческую эпоху дѣйствительнаго рабочаго движенія и условій его развитія. Но, зная, что *„сознаніе* людей опредѣляется ихъ *общественнымъ бытіемъ“*, онъ, съ другой стороны, знаетъ, какъ объясняетъ намъ опять таки Г. В. Плехановъ[5]), что «опредѣленіе сознанія бытіемъ есть *цѣлый процессъ*, совершающійся въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени», что поэтому *его* задача сводится къ тому, чтобы «стараться *ускорить* тотъ процессъ, благодаря которому *содержаніе сознанія* приспособляется къ *формамъ бытія*». Или, иначе говоря, — и тутъ мы отъ Vademecum'а Плеханова переходимъ къ «Коммунистическому Манифесту» Маркса и Энгельса—«коммунисты не выставляютъ *никакихъ особыхъ принциповъ*, сообразно которымъ они *хотѣли бы* формировать движеніе пролетаріевъ. Коммунисты отличаются... тѣмъ, что *на различныхъ стадіяхъ* развитія,... *они всегда представляютъ интересы движенія въ цѣломъ*. Они... въ *теоретическомъ отношеніи* имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что *понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія*».

И у насъ нѣтъ «никакихъ особыхъ принциповъ», по которымъ мы «хотѣли бы» формировать рабочее движеніе. Мы беремъ его такимъ, каково оно есть. Но беремъ затѣмъ, чтобы сдѣлать его практически *отправной точкой*. Пользуясь «преимуществомъ въ теоретическомъ отношеніи», мы приходимъ къ пролетаріату не затѣмъ, чтобы извнѣ «внести» революціонность въ его «оппортунистическое» движеніе, а затѣмъ, чтобы на *первыхъ стадіяхъ* борьбы рабочаго класса *на новомъ пути* вскрывать передъ массами и ихъ передовыми элементами все глубоко революціонное содержаніе *ихъ собственной* борьбы, которое развернется полностью лишь на позднѣйшихъ стадіяхъ, и такимъ образомъ выполнять задачу, которая, по своему «не-героическому» характеру всегда казалась и кажется всѣмъ «заговорщикамъ» необычайно «сѣрою» и въ которой, однако, соціальдемократія всего міра справедливо видитъ величайшій революціонный смыслъ, — «ускорять приспособленіе сознанія къ формамъ бытія». Въ противоположность оппортунистамъ, мы помнимъ, что это «приспособленіе» есть «цѣлый процессъ». Въ противоположность бланкистамъ, мы понимаемъ, какъ важна «революціонная самодѣятельность» массъ, и не забываемъ, въ какомъ смыслѣ Марксъ сказалъ, что всякій шагъ дѣйствительнаго движенія дороже дюжины программъ.

1) Кстати. Быть можетъ, самымъ цѣннымъ въ этой резолюціи Ц. К. является то, что вопросъ объ „уклоненіяхъ“ Ц. К. впервые ставитъ, какъ вопросъ не кружковыхъ переживаній, а — рабочаго движенія. Поэтому, удивительную сообразительность обнаруживаетъ Г. В. Плехановъ, жалующійся, что авторы резолюціи не предпочли говорить „простымъ языкомъ“ о „ликвидаторахъ“ и „отзовистахъ“! Или онъ сознательно создаетъ „лазейку“ для фальсификаторовъ рѣшеній Ц. К.?

2) Однимъ изъ такихъ условій — и притомъ рѣшающимъ — можетъ стать нынѣ рекомендуемая Ленинымъ-Плехановымъ замаскированная, но непрерывная и ожесточенная война старой партійной организаціи противъ новыхъ формъ рабочаго движенія. Если бы эта война, которую раньше вели всѣ б-ки, не встрѣчала противодѣйствія внутри самой же старой организаціи со стороны „меньшевизма“, она давно уже дѣлала бы самое имя Р. С.-Д. Р. П. ненавистнымъ всѣмъ передовымъ пролетаріямъ.

3) „Гдѣ же правая сторона и гдѣ ортодоксія“? „Курьеръ“, 8 іюня 1906 г. № 20. Курсивъ Плеханова.

4) Vademecum для редакціи „Рабочаго Дѣла“. Женева. 1900. Предисловіе, стр. XIX.

5) Тамъ же, стр. XVI.

Понятно, почему и въ своей тактикѣ, и въ своихъ организаціонныхъ построеніяхъ мы *исходимъ* всегда и неизмѣнно изъ состоянія, условій и запросовъ дѣйствительнаго рабочаго движенія и остерегаемся отъ повторенія столь жестоко заклейменной Марксомъ и Энгельсомъ ошибки нѣкоторыхъ англійскихъ и американскихъ соціалистовъ, не нашедшихъ лучшаго примѣненія своему „теоретическому преимуществу“, какъ нападеніе на это движеніе съ тылу. Понятно также, почему у насъ нѣтъ организаціонныхъ фетишей. Для насъ дѣйствительно революціонна лишь та организаціонная форма, которая, при данныхъ экономическихъ и соціально-политическихъ отношеніяхъ, наилучшимъ образомъ содѣйствуетъ выполненію указанной выше задачи—„ускорять приспособленіе сознанія къ формамъ бытія“ на основѣ развитія „революціонной самодѣятельности массъ„. И кто хочетъ убѣдить насъ въ пользѣ возвращенія къ *старымъ* подпольнымъ,*) замкнутымъ формамъ партійной организаціи, тотъ долженъ доказать, что именно старыя формы наилучшимъ образомъ содѣйствуютъ этому. Мы тщетно ждали до сихъ поръ такого доказательства.

Такъ отвѣчаетъ на вопросъ „Голосъ Соціальдемократа“. А какъ отвѣчаетъ Г. В. Плехановъ? *Никакъ не отвѣчаетъ*. Онъ подражаетъ императору Павлу, который на плацъ-парадѣ скомандовалъ взбунтовавшемуся Семеновскому полку: „налѣво, кругомъ маршъ — въСибирь!“ Такъ и т. Плехановъ, вкупѣ съ Ленинымъ, знаетъ лишь одинъ отвѣтъ взбунтовавшемуся противъ тѣсныхъ старыхъ формъ, выросшему изъ нихъ соціальдемократическому движенію: „налѣво, кругомъ маршъ — въ подполье!“ Но развѣ это отвѣтъ? Скажемъ прямо: Г. В. Плехановъ *не можетъ* дать отвѣта, ибо теоретическая совѣсть не позволяетъ ему *принципіально* оправдывать свой походъ, который можетъ только компрометировать революціонный марксизмъ. Онъ самъ осуждаетъ себя на ребяческія увертки. Онъ или искажаетъ своего противника**), или игнорируетъ его доводы, прибѣгаетъ къ аргументаціи, которая по истинѣ заставляетъ развести руками. Когда, для доказательства „ослабленія значенія меньшевизма“ вслѣдствіе отказа нашего слѣдовать плехановской политикѣ „межеванія“, приводится, напр., такой исторической важности фактъ, что для завѣдыванія мертворожденной, такъ называемой партійной школой выбрано 4 б-ка, „между тѣмъ какъ „меньшевизмъ“ долженъ былъ ограничиться — двумя“***), — то намъ остается только съ чувствомъ стыда за Г. В. Плеханова пройти мимо и для бесѣды съ нимъ подождать того времени, когда къ нему вернется способность говорить языкомъ не фракціоннаго подъячаго изъ редакціи „Пролетарія“, а революціоннаго мыслителя и политика. Мы знаемъ, что съ т. Плехановымъ уже не разъ случались такого рода «припадки». И мы помнимъ, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ довели они его, напр., на съѣздѣ Лиги (послѣ 2-го партійнаго съѣзда), о которомъ и самъ Г. В. Плехановъ вспоминаетъ теперь, конечно, безъ всякаго удовольствія. То, что приключилось съ т. Плехановымъ теперь, это — *печальный рецидивъ*, не больше.

Мы уже говорили выше: Г. В. Плехановъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова въ затѣянной имъ «полемикѣ». Логика положенія будетъ толкать его, къ сожалѣнію, дальше и дальше по пути компрометаціи всего, что онъ самъ создалъ и чему самъ служилъ втеченіе болѣе, чѣмъ четверти вѣка. Но мы разсчитываемъ, что намъ не часто придется возвращаться къ этому плехановскому походу, который для *рабочаго движенія* уже безвреденъ. Мы тѣмъ спокойнѣе можемъ относиться ко всѣмъ выходкамъ, которыя уже направлены и еще будутъ направлены Плехановымъ противъ насъ, что ни на минуту не сомнѣваемся, въ одномъ: когда кончится пора безвременья, осуждающая эмигрантскіе кружки на полную изоляцію и самопожираніе, и наступитъ снова время *отвѣтственныхъ* политическихъ дѣйствій, Плехановъ будетъ съ нами такъ же, какъ былъ и всегда, будетъ бороться въ тѣхъ же рядахъ, въ какихъ будемъ бороться и мы. Ибо ему, не хуже насъ, извѣстно, что внѣ этихъ рядовъ — революціонной соціальдемократіи въ Россіи нѣтъ.

Нынче появилась особая секта «плехановцевъ». Они называютъ себя такъ потому, что подхватываютъ, раздуваютъ то, что въ Плехановѣ есть *малаго*, этимъ «малымъ» клянутся и въ него вѣруютъ. Наше отношеніе къ дѣлу жизни Плеханова другое: мы довольствуемся сознаніемъ, что и въ прошломъ, и въ настоящемъ служили и служимъ тому, что въ этомъ дѣлѣ было и есть *великаго*. И если въ переживаемую трудную эпоху Плехановъ не съ нами — тѣмъ хуже для него! «Меньшевизмъ», т. е. революціонный марксизмъ на той стадіи развитія, когда и въ Россіи начали создаваться условія для построенія с.-д. тактики на основѣ массоваго рабочаго движенія, родился безъ Плеханова, пережилъ безъ него многія трудныя минуты, переживетъ и эту.

*) Примѣчаніе для проницательныхъ читателей: „нелегальность и подполье“ въ специфическомъ смыслѣ этого слова, какъ мы уже неоднократно подчеркивали, — вовсе не одно и тоже.

**) Какъ иначе характеризовать утвержденіе Плеханова, что „особенность“ нашего („Голоса“) „нынѣшняго положенія“ „заключается въ непониманіи — или въ преступно-дипломатическомъ замалчиваніи, — того, что сознательные элементы пролетаріата должны въ цѣляхъ политической борьбы сърганизоваться въ соціальдемократическую партію“? Добавленіе, что „партія эта должна по необходимости быть подпольной“ ничуть не украшаетъ этой тирады.

***) Дневникъ' № 11, с. 16.

Кооперативная Типографія „СОЮЗЪ“, 3, rue Beanier, Paris.